

ДАНИИЛ
ХАРМС

*О явлениях
и
существованиях*

БЪЛЪЕ

МОНОПОЛЬ

МИЯ

**ЧАЙ
САХАР
КОФЕ**

АЗБУКА-КЛАССИКА

Даниил Иванович Хармс

О явлениях и существованиях (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6607237

О явлениях и существованиях / Даниил Хармс: Азбука, Азбука-

Антикус; Санкт-Петербург; 2013

ISBN 978-5-389-07427-9

Аннотация

Даниил Хармс – один из самых неординарных и парадоксальных русских писателей XX столетия. В настоящий сборник входит проза 1929–1939 гг., сценки, тексты автобиографического и квазиавтобиографического характера, статьи и трактаты, письма.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Проза	7
1	7
2	18
3	23
4	24
5	25
6	27
7	28
8	30
9	31
10	32
11	35
12	38
13	39
14	41
15	43
16	46
17	49
18	52
19	57
20	58
21	63
22	68

23	69
24	70
25	71
26	73
27	75
28	77
29	80
30	82
31	83
32	84
33	85
34	87
35	88
36	90
37	96
38	100
39	101
40	102
41	106
42	108
43	109
44	110
45	111
46	113
47	115
48	118

49

119

50

121

Конец ознакомительного фрагмента.

123

Даниил Хармс О явлениях и существованиях

Составление Дмитрия Токарева

© Д. Токарев, состав, 1999

© В. Пожидаев, оформление серии, 1996

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Проза

1

История Сдыгр Аппр

Андрей Семенович – Здравствуй, Петя.

Петр Павлович – Здравствуй, здравствуй. Guten Morgen¹. Куда несет?

Андрей Семенович протянул руку Петру Павловичу, а Петр Павлович схватил руку Андрея Семеновича и так ее дернули, что Андрей Семенович остался без руки и с испугу кинулся бежать. Петр Павлович бежали за Андреем Семеновичем и кричали: «Я тебе, мерзавцу, руку оторвал, а вот обожди, догоню, так и голову оторву!»

Андрей Семенович неожиданно сделал прыжок и перескочил канаву, а Петр Павлович не сумели перепрыгнуть канавы и остались по сию сторону.

Андрей Семенович – Что? Не догнал?

Петр Павлович – А это вот видел? *(И показывает руку Андрея Семеновича.)*

Андрей Семенович – Это моя рука!

Петр Павлович – Да-с, рука ваша! Чем махать будете?

¹ Доброе утро (нем.). – Прим. сост.

Андрей Семенович – Платочком.

Петр Павлович – Хорош, нечего сказать! Одну руку в карман сунул, и головы почесать нечем.

Андрей Семенович – Петя! Давай так: я тебе что-нибудь дам, а ты мне мою руку отдай.

Петр Павлович – Нет, я руки тебе не отдам. Лучше и не проси. А вот хочешь, пойдем к профессору Тартарелину, он тебя вылечит.

Андрей Семенович прыгнул от радости и пошел к профессору Тартарелину.

Андрей Семенович – Многоуважаемый профессор, вылечите мою правую руку. Ее оторвал мой приятель Петр Павлович и обратно не отдает.

Петр Павлович стояли в проходной профессора и демонически хохотали. Под мышкой у них была рука Андрея Семеновича, которую они держали презрительно, наподобие портфеля.

Осмотрев плечо Андрея Семеновича, профессор закурил трубку-папиросу и вымолвил:

– Это крупная шшадина.

Андрей Семенович – Простите, как вы сказали?

Профессор – Сшадина.

Андрей Семенович – Ссадина?

Профессор – Да, да, да. Шатина. Шá-тй-нá!

Андрей Семенович – Хороша ссадина, когда и руки-то нет!

Из прихожей послышался смех.

Профессор – Ой! Кто там шмиется?

Андрей Семенович – Это так просто. Вы не обращайте внимания.

Профессор – Хо! Ш удовольствием. Хотите, что-нибудь почитаем?

Андрей Семенович – А вы меня полечите.

Профессор – Да, да, да. Почитаем, а потом я вас полечу. Садитесь.

Оба садятся.

Профессор – Хотите, я вам прочту свою науку?

Андрей Семенович – Пожалуйста! Очень интересно.

Профессор – Только я изложил ее в стихах.

Андрей Семенович – Это страшно интересно!

Профессор – Вот, хе-хе, я вам прочту от сюда до сюда.

Тут вот о внутренних органах, а тут уже о суставах.

Петр Павлович (*входя в комнату*):

Здыгр апрр устр устр
Я несу чужую руку
дыгр апрр устр устр
Гда профессор Тартарелин?
Здыгр апрр устр устр
Где приемные часы?
Если эти побрякушки
С двумя гирями до полу
Эти часики старушки

пролетели параболу
Здыгр апрр устр устр
Ход часов нарушен мною
им в замену карабистр
на подставке здыгр апрр
с бесконечною рукою
приспособленной как стрелы
от минуты за другою
в путь несется погорелый
А под белым циферблатом
блин мотает устр устр
и закутанный халатом
восседает карабистр о
н приемные секунды
смотрит в двигатель размерен
чтобы время не гуляло
где профессор Тартарелин,
Где Андрей Семенович здыгр
Однорукий здыгр апрр
лечит здыгр апрр устр
приспосабливает руку
приколачивает пальцы
Здыгр апрр прибивает
здыгр апрр устр бьет.

Профессор Тартарелин – Это вы искалечили граждани-
на, п. п.?

Петр Павлович – Руку вырвал из манжеты.

Андрей Семенович – Бегал следом.

Профессор – Отвечайте.

Петр Павлович смеется.

Карабистр – Гвиндалея!

Петр Павлович – Карабистр! Карабистр – Гвиндалан.

Профессор – Расскажите, как было дело. Андрей Семе-

НОВИЧ —

Шел я по полю намедни
и внезапно вижу Петя
мне навстречу идет спокойно
и, меня как будто не заметя,
хочет мимо проскочить.
Я кричу ему: ах Петя!
Здравствуй Петя мой приятель,
ты как видно не заметил,
что иду навстречу я.

Петр Павлович —

Но господство обстоятельств
и скрещение событий
испокон веков донныне
нами правит как детьми
морит голодом в пустыне
хлещет в комнате плетьюми.

Профессор – Так-так, это понятно. Стечение обстоя-
тельств. Это верно. Закон.

Тут вдруг Петр Павлович наклонились к профессору и откусили ему ухо. Андрей Семенович побежал за милиционером, а Петр Павлович бросили на пол руку Андрея Семеновича, положили на стол откушенное ухо профессора Тартарелина и незаметно ушли по черной лестнице.

Профессор лежал на полу и стонал.

– Ой-ой-ой, как больно! – стонал профессор. – Моя рана горит и исходит соком. Где найдется такой сострадательный человек, который промоет мою рану и зальет ее коллодием?!

Был чудный вечер. Высокие звезды, расположенные на небе установленными фигурами, светили вниз. Андрей Семенович, дыша полной грудью, тащил двух милиционеров к дому профессора Тартарелина. Помахивая своей единственной рукой, Андрей Семенович рассказывал о случившемся.

Милиционер спросил Андрея Семеновича:

– Как зовут этого проходимца?

Андрей Семенович не выдал своего товарища и даже не сказал его имени.

Тогда оба милиционера спросили Андрея Семеновича:

– Скажите нам, вы его давно знаете?

– С маленьких лет, когда я был еще вот таким, – сказал Андрей Семенович.

– А как он выглядит? – спросили милиционеры.

– Его характерной чертой является длинная черная борода, – сказал Андрей Семенович.

Милиционеры остановились, подтянули потуже свои ку-

шаки и, открыв рты, запели протяжными ночными голосами:

Ах как это интересно
Был приятель молодой,
А подрос когда приятель
Стал ходить он с бородой.

– Вы обладаете очень недурными голосами, разрешите поблагодарить вас, – сказал Андрей Семенович и протянул милиционерам пустой рукав, потому что руки не было.

– Мы можем и на научные темы поговорить, – сказали милиционеры хором.

Андрей Семенович махнул пустышкой.

– Земля имеет семь океанов, – начали милиционеры. – Научные физики изучали солнечные пятна и привели к заключению, что на планетах нет водорода, и там неуместно какое-либо сожительство.

В нашей атмосфере имеется такая точка, которая всякий центр зашибет.

Английский кремарторий Альберт Эйнштейн изобрел такую махинацию, через которую всякая штука относительна.

– О, любезные милиционеры! – взмолился Андрей Семенович. – Бежимте скорее, а не то мой приятель окончательно убьет профессора Тартарелина.

Одного милиционера звали Володя, а другого Сережа. Володя схватил Сережу за руку, а Сережа схватил Андрея Семеновича за рукав, и они все втроем побежали.

– Глядите, три институтки бегут! – кричали им вслед извозчики. Один даже хватил Сережу кнутом по заднице.

– Постой! На обратном пути ты мне штраф заплотишь! – крикнул Сережа, не выпуская из рук Андрея Семеновича.

Добежав до дома профессора, все трое сказали:

– Тпррр! – и остановились.

– По лестнице, в третий этаж! – скомандовал Андрей Семенович.

– Ноч!² – крикнули милиционеры и кинулись по лестнице.

Моментально высадив плечом дверь, они ворвались в кабинет профессора Тартарелина.

Профессор Тартарелин сидел на полу, а жена профессора стояла перед ним на коленях и пришивала профессору ухо розовой шелковой ниточкой. Профессор держал в руках ножницы и вырезал платье на животе своей жены. Когда показался голый женин живот, профессор потер его ладонью и посмотрел в него, как в зеркало.

– Куда шьешь? Разве не видишь, что одно ухо выше другого получилось? – сказал сердито профессор.

Жена отпоролa ухо и стала пришивать его заново.

Голый женский живот, как видно, развеселил профессора. Усы его ощетинились, а глазки заулыбались.

– Катенька, – сказал профессор, – брось пришивать ухо где-то сбоку, пришей мне его лучше к щеке.

² Вверх (нем.). – Прим. сост.

Катенька, жена профессора Тартарелина, терпеливо отпорола ухо во второй раз и принялась пришивать его к щеке профессора.

– Ой, как щекотно! Ха-ха-ха! Как щекотно! – смеялся профессор, но вдруг, увидя стоящих на пороге милиционеров, замолчал и сделался серьезным.

Милиционер Сережа – Где здесь пострадавший?

Милиционер Володя – Кому здесь откусили ухо?

Профессор (*поднимаясь на ноги*) – Господа! Я – человек, изучающий науку вот уже, слава Богу, 56 лет, ни в какие другие дела не вмешиваюсь. Если вы думаете, что мне откусили ухо, то вы жестоко ошибаетесь. Как видите, у меня оба уха целы. Одно, правда, на щеке, но такова моя воля.

Милиционер Сережа – Действительно, верно, оба уха налицо.

Милиционер Володя – У моего двоюродного брата так брови росли под носом.

Милиционер Сережа – Не брови, а просто усы.

Карабистр – Фасфалакат!

Профессор – Приемные часы окончены. Жена профессора – Пора спать. Андрей Семенович (*входя*) – Половина двенадцатого.

Милиционеры хором – Покойной ночи. Эхо – Спите сладко.

Профессор ложится на пол, остальные тоже ложатся и засыпают.

СОН

Тихо плещет океян
скалы грозные ду ду
тихо светит океян
человек поет в дуду
тихо по морю бегут
страха белые слоны
рыбы скользкие поют
звезды падают с луны
домик слабенький стоит
двери настежь распахнул
неги теплые сулит
в доме дремлет караул.
А на крыше спит старуха
на носу ее кривом
тихим ветром плещет ухо
дует волосы кругом
А на дереве кукушка
сквозь очки глядит на север
не гляди моя кукушка
не гляди всю ночь на север
там лишь ветер карабистр
время в цифрах бережет
там лишь ястреб сдыгр устр
себе добычу стережет.

Кто-то тут впотьмах уснул
шарю, чую, стол и стул
натыкаюсь на комод
вижу древо бергамот
я спешу, Срываю груши
что за дьявол! Это уши!
Я боюсь бегу направо предо
мною стоит дубрава
я обратно так и сяк
натыкаюсь на косяк
ноги гнутся, тянут лечь
думал двери – это печь
прыгнул влево – там кровать
Помогите!..

Профессор (*просытаясь*) – Ать?

Андрей Семенович (*вскакивая*) – Ффу! Ну и сон же
видел, будто нам все уши пообрывали. (*Зажигает свет.*)

Оказывается, что, пока все спали, приходили Петр Павлович и обрезали всем уши.

Замечание милиционера Сережи —
– Сон в руку!

Март – апрель 1929

2

Вещь

Мама, папа и прислуга по названию Наташа сидели за столом и пили.

Папа был несомненно забулдыга. Даже мама смотрела на него свысока. Но это не мешало папе быть очень хорошим человеком. Он очень добродушно смеялся и качался на стуле. Горничная Наташа, в наколке и передничке, все время невозможно стеснялась. Папа веселил всех своей бородой, но горничная Наташа конфузливо опускала глаза, изображая этим, что она стесняется.

Мама, высокая женщина с большой прической, говорила лошадиным голосом. Мамин голос трубил в столовой, отзываясь на дворе и в других комнатах.

Выпив по первой рюмочке, все на секунду замолчали и поели колбасу. Немного погодя все опять заговорили.

Вдруг, совершенно неожиданно, в дверь кто-то постучал. Ни папа, ни мама, ни горничная Наташа не могли догадаться, кто это стучит в двери.

– Как странно, – сказал папа. – Кто бы там мог стучать в дверь?

Мама сделала соблезнующее лицо и не в очередь налила себе вторую рюмочку, выпила и сказала: «Странно».

Папа ничего не сказал плохого, но налил себе тоже рю-

мочку, выпил и встал из-за стола.

Ростом был папа невысок. Не в пример маме. Мама была высокой, полной женщиной с лошадиным голосом, а папа был просто ее супруг. В добавление ко всему прочему папа был веснушат.

Он одним шагом подошел к двери и спросил:

– Кто там?

– Я, – сказал голос за дверью. Тут же открылась дверь и вошла горничная Наташа, вся смущенная и розовая. Как цветок. Как цветок.

Папа сел.

Мама выпила еще.

Горничная Наташа и другая, как цветок, зарделись от стыда. Папа посмотрел на них и ничего плохого не сказал, а только выпил, так же как и мама.

Чтобы заглушить неприятное жжение во рту, папа вскрыл банку консервов с раковым паштетом. Все были очень рады, ели до утра. Но мама молчала, сидя на своем месте. Это было очень неприятно.

Когда папа собирался что-то спеть, стукнуло окно. Мама вскочила с испуга и закричала, что она ясно видела, как с улицы в окно кто-то заглянул. Другие уверяли маму, что это невозможно, так как их квартира в третьем этаже, и никто с улицы посмотреть в окно не может, для этого нужно быть великаном или Голиафом.

Но маме взбрела в голову крепкая мысль. Ничто на свете

не могло ее убедить, что в окно никто не смотрел.

Чтобы успокоить маму, ей налили еще одну рюмочку. Мама выпила рюмочку. Папа тоже налил себе и выпил.

Наташи и горничная, как цветок, сидели, потупив глаза от конфуза.

– Не могу быть в хорошем настроении, когда на нас смотрят с улицы через окно, – кричала мама.

Папа был в отчаянии, не зная, как успокоить маму. Он сбегал даже на двор, пытаясь заглянуть оттуда хотя бы в окно второго этажа. Конечно, он не смог дотянуться. Но маму это нисколько не убедило. Мама даже не видела, как папа не мог дотянуться до окна всего лишь второго этажа.

Окончательно расстроенный всем этим, папа вихрем влетел в столовую и залпом выпил две рюмочки, налив рюмочку и маме. Мама выпила рюмочку, но сказала, что пьет только в знак того, что убеждена, что в окно кто-то посмотрел.

Папа даже руками развел.

– Вот, – сказал он маме и, подойдя к окну, растворил настежь обе рамы.

В окно попытался влезть какой-то человек в грязном воротничке и с ножом в руках. Увидя его, папа захлопнул рамы и сказал:

– Никого нет там.

Однако человек в грязном воротничке стоял за окном и смотрел в комнату, и даже открыл окно и вошел.

Мама была страшно взволнована. Она грохнулась в исте-

рику, но, выпив немного предложенного ей папой и закусив грибочком, успокоилась.

Вскоре и папа пришел в себя. Все опять сели к столу и продолжали пить.

Папа достал газету и долго вертел ее в руках, ища, где верх и где низ. Но сколько он ни искал, так и не нашел, а потому отложил газету в сторону и выпил рюмочку.

– Хорошо, – сказал папа, – но не хватает огурцов.

Мама неприлично заржала, отчего горничные сильно сконфузились и принялись рассматривать узор на скатерти.

Папа выпил еще и вдруг, схватив маму, посадил ее на буфет.

У мамы взбилась седая пышная прическа, на лице проступили красные пятна, и, в общем, рожа была возбужденная.

Папа подтянул свои штаны и начал тост.

Но тут открылся в полу люк, и оттуда вылез монах.

Горничные так переконфузились, что одну начало рвать. Наташа держала свою подругу за лоб, стараясь скрыть безобразие.

Монах, который вылез из-под пола, прицелился кулаком в папино ухо, да как треснет! Папа так и шлепнулся на стул, не окончив тоста.

Тогда монах подошел к маме и ударил ее как-то снизу – не то рукой, не то ногой.

Мама принялась кричать и звать на помощь.

А монах схватил за шиворот обеих горничных и, помотав

ими по воздуху, отпустил.

Потом, никем не замеченный, монах скрылся опять под пол, закрыв за собою люк.

Очень долго ни мама, ни папа, ни горничная Наташа не могли прийти в себя. Но потом, отдышавшись и приведя себя в порядок, они все выпили по рюмочке и сели за стол закусить шинкованной капусткой.

Выпив еще по рюмочке, все посидели, мирно беседу<я>.

Вдруг папа побагровел и принялся кричать.

– Что! Что! – кричал папа. – Вы считаете меня за мелочного человека! Вы смотрите на меня как на неудачника! Я вам не приживальщик! Сами вы негодяи!

Мама и горничная Наташа выбежали из столовой и заперлись на кухне.

– Пошел, забулдыга! Пошел, чертово копыто! – шептала мама в ужасе окончательно сконфуженной Наташе.

А папа сидел в столовой до утра и орал, пока не взял папку с делами, одел белую фуражку и скромно пошел на службу.

31 мая 1929 года

3

На набережной нашей реки собралось очень много народу. В реке тонул командир полка Сепунов. Он захлебывался, выскакивал из воды по живот, кричал и опять тонул в воде. Руками он колотил во все стороны и опять кричал, чтоб его спасли.

Народ стоял на берегу и мрачно смотрел.

– Утонет, – сказал Кузьма.

– Ясно, что утонет, – подтвердил человек в картузе.

И действительно, командир полка утонул.

Народ начал расходиться.

<1–6 июня 1929 года>

4

Некий инженер задался целью выстроить поперек Петербурга огромную кирпичную стену. Он обдумывает, как это совершить, не спит ночами и рассуждает. Постепенно образуется кружок мыслителей-инженеров и вырабатывается план постройки стены. Стену решено строить ночью, да так, чтобы в одну ночь все и построить, чтобы она явилась всем сюрпризом. Созываются рабочие. Идет распределение. Городские власти отводятся в сторону, и наконец настает ночь, когда эта стена должна быть построена. О постройке стены известно только четверем человекам. Рабочие и инженеры получают точное распоряжение, где кому встать и что сделать. Благодаря точному расчету, стену удастся выстроить в одну ночь. На другой день в Петербурге переполох. И сам изобретатель стены в унынии. На что эту стену применить, он и сам не знал.

<1930>

5

Когда жена уезжает куда-нибудь одна, муж бегает по комнате и не находит себе места.

Ногти у мужа страшно отрастают, голова трясется, а лицо покрывается мелкими черными точками.

Квартиранты утешают покинутого мужа и кормят его свиным зельцем. Но покинутый муж теряет аппетит и преимущественно пьет пустой чай.

В это время его жена купается в озере и случайно задевает ногой подводную корягу. Из-под коряги выплывает щука и кусает жену за пятку. Жена с криком выскакивает из воды и бежит к дому. Навстречу жене бежит хозяйская дочка. Жена показывает хозяйской дочке пораненную ногу и просит ее забинтовать.

Вечером жена пишет мужу письмо и подробно описывает свое злключение.

Муж читает письмо и волнуется до такой степени, что роняет из рук стакан с водой, который падает на пол и разбивается.

Муж собирает осколки стакана и ранит себе руку.

Забинтовав пораненный палец, муж садится и пишет жене письмо. Потом выходит на улицу, чтобы бросить письмо в почтовую кружку.

Но на улице муж находит папиросную коробку, а в короб-

ке 30 000 рублей.

Муж экстренно выписывает жену обратно, и они начинают счастливую жизнь.

<Первая половина 1930-х>

6

Шел травмай, скрывая под видом двух фонарей жабу. В нем все приспособлено для сидения и стояния. Пусть безупречен будет его хвост и люди, сидящие в нем, и люди, идущие к выходу. Среди них попадаются звери иного содержания. Также и те самцы, которым не хватило места в вагоне, лезут в другой вагон. Да ну их, впрочем, всех! Дело в том, что шел дождик, но не понять сразу: не то дождик, не то странник. Разберем по отдельности: судя по тому, что если стоять в пиджаке, то спустя короткое время он промокнет и облипнет тело – шел дождь. Но судя по тому, что если крикнуть: кто идет? – открывалось окно в первом этаже, оттуда высывалась голова, принадлежащая кому угодно, только не человеку, постигше<му> истину, что вода освежает и облагораживает черты лица, – и свирепо отвечала: вот я тебя этим (с этими словами в окне показалось что-то похожее одновременно на кавалерийский сапог и на топор) дважды двину, так живо все поймешь! Судя по этому, шел скорей странник, если не бродяга, во всяком случае такой где-то находился поблизости, может быть за окном.

<1930>

Едет трамвай. В трамвае едут 8 пассажиров. Трое сидят: двое справа и один слева. А пятеро стоят и держатся за кожаные вешалки: двое стоят справа, а трое слева. Сидящие группы смотрят друг на друга, а стоящие стоят друг к другу спиной. Сбоку на скамейке стоит кондукторша. Она маленького роста, и если бы она стояла на полу, ей бы не достать сигнальной веревки. Трамвай едет, и все качаются.

В окнах проплывают Биржевой мост, Нева и сундук. Трамвай останавливается, все падают вперед и хором произносят: «Сукин сын!»

Кондукторша кричит: «Марсово поле!» В трамвай входит новый пассажир и громко говорит: «Продвиньтесь, пожалуйста!» Все стоят молча и неподвижно. «Продвиньтесь, пожалуйста!» – кричит новый пассажир. «Пройдите вперед, впереди свободно!» – кричит кондукторша. Впереди стоящий пассажир басом говорит, не поворачивая головы и продолжая глядеть в окно: «А куда тут продвинешься, что ли, на тот свет». Новый пассажир: «Разрешите пройти». Стоящие пассажиры лезут на колени сидящим, и новый пассажир проходит по свободному трамваю до середины, где и останавливается. Остальные пассажиры опять занимают прежнее положение. Новый пассажир лезет в карман, достает кошелек, вынимает деньги и просит пассажиров передать деньги кон-

дукторше. Кондукторша берет деньги и возвращает обратно билет.

<Декабрь 1930 года>

8

Как странно, как это невыразимо странно, что за стеной, вот этой стеной, на полу сидит человек, вытянув длинные ноги в рыжих сапогах и со злым лицом.

Стоит только пробить в стене дырку и посмотреть в нее, и сразу будет видно, как сидит этот злой человек.

Но не надо думать о нем. Что он такое? Не есть ли он частица мертвой жизни, залетевшая к нам из воображаемых пустот? Кто бы он ни был, Бог с ним.

22 июня 1931 года

В 2 часа дня на Невском проспекте или, вернее, на проспекте 25-го Октября ничего особенного не случилось. Нет-нет, тот человек возле «Колизея» остановился просто случайно. Может быть, у него развязался сапог или, может быть, он хочет закурить. Или нет, совсем не то! Он просто приезжий и не знает, куда идти. Но где же его вещи? Да нет, стойте, вот он поднимает зачем-то голову, будто хочет посмотреть в третий этаж, даже в четвертый, даже в пятый. Нет, смотрите, он просто чихнул и теперь идет дальше. Он немножечко сутул и держит плечи приподнятыми. Его зеленое пальто раздувается от ветра. Вот он свернул на Надеждинскую и пропал за углом.

Восточный человек, чистильщик сапог, посмотрел ему вслед и разгладил рукой свои пышные черные усы.

Его пальто длинное, плотное, сиреневого цвета не то в клетку, не то в полоску, не то, черт подери, в горошину.

10

Прежде чем придти к тебе, я постучу в твое окно. Ты увидишь меня в окне. Потом я войду в дверь, и ты увидишь меня в дверях. Потом я войду в твой дом, и ты узнаешь меня. И я войду в тебя, и никто, кроме тебя, не увидит и не узнает меня.

Ты увидишь меня в окне.

Ты увидишь меня в дверях.

<1931>

Дорогой Никандр Андреевич, получил твое письмо и сразу понял, что оно от тебя. Сначала подумал, что оно вдруг не от тебя, но как только распечатал, сразу понял, что от тебя, а то, было, подумал, что оно не от тебя. Я рад, что ты уже давно женился, потому что, когда человек женится на том, на ком он хотел жениться, то значит, он добился того, чего хотел. И вот я очень рад, что ты женился, потому что когда человек женится на том, на ком хотел, то значит, он добился того, чего хотел. Вчера я получил твое письмо и сразу подумал, что это письмо от тебя, но потом подумал, что кажется, что не от тебя, но распечатал и вижу – точно от тебя. Очень хорошо сделал, что написал мне. Сначала не писал, а потом вдруг написал, хотя еще раньше, до того как некоторое время не писал, – тоже писал. Я сразу, как получил твое письмо, сразу решил, что оно от тебя, и потом, я очень рад, что ты уже женился. А то если человек захотел жениться, то ему надо во что бы то ни стало жениться. Поэтому я очень рад, что ты наконец женился именно на том, на ком и хотел жениться. И очень хорошо сделал, что написал мне. Я очень обрадовался, как увидел твое письмо, и сразу даже подумал, что оно от тебя. Правда, пока распечатывал, то мелькнула такая мысль, что оно не от тебя, но потом все-таки я решил, что оно от тебя. Спасибо, что написал. Благодарю тебя за это и очень

рад за тебя. Ты, может быть, не догадываешься, почему я так рад за тебя, но я тебе сразу скажу, что рад я за тебя потому, потому что ты женился, и именно на том, на ком и хотел жениться. А это, знаешь, очень хорошо жениться именно на том, на ком хочешь жениться, потому что тогда именно и добиваешься того, чего хотел. Вот именно поэтому я так рад за тебя. А также рад и тому, что ты написал мне письмо. Я еще издали решил, что письмо от тебя, а как взял в руки, так подумал: а вдруг не от тебя? А потом думаю: да нет, конечно от тебя. Сам распечатываю письмо и в то же время думаю: от тебя или не от тебя? От тебя или не от тебя? Ну а как распечатал, то и вижу, что от тебя. Я очень обрадовался и решил тоже написать тебе письмо. О многом надо сказать, но буквально нет времени. Что успел, написал тебе в этом письме, а остальное потом напишу, а то сейчас совсем нет времени. Хорошо, по крайней мере, что ты написал мне письмо. Теперь я знаю, что ты уже давно женился. Я и из прежних писем знал, что ты женился, а теперь опять вижу: совершенно верно, ты женился. И я очень рад, что ты женился и написал мне письмо. Я сразу, как увидел твое письмо, так и решил, что ты опять женился. Ну, думаю, это хорошо, что ты опять женился и написал мне об этом письмо. Напиши мне теперь, кто твоя новая жена и как это все вышло. Передай привет твоей новой жене.

Даниил Хармс

25 сентября и октября 1933 года

12

Скаска

Жил-был один человек, звали его Семенов. Пошел однажды Семенов гулять и потерял носовой платок. Семенов начал искать носовой платок и потерял шапку. Начал шапку искать и потерял куртку. Начал куртку искать и потерял сапоги.

– Ну, – сказал Семенов, – этак все растеряешь. Пойду лучше домой.

Пошел Семенов домой и заблудился.

– Нет, – сказал Семенов, – лучше я сяду и посижу.

Сел Семенов на камушек и заснул.

<1933>

Тут все начали говорить по-своему.

Хвилищевский подошел к дереву и поцарапал кору. Из коры выбежал муравей и упал на землю. Хвилищевский нагнулся, но муравья не было видно.

В это время Факиров ходил назад и вперед. Лицо Факирова было строго, даже грозно. Факиров старался ходить по прямому, а когда доходил до дома, то делал сразу резкий поворот.

Хвилищевский все еще стоял у дерева и смотрел на кору сквозь пенсне своими близорукими глазами. Шея Хвилищевского была тонкая и морщинистая.

Тут все начали говорить о числах.

Хвилищевский уверял, что ему известно, что такое число, что если его написать по-китайски сверху вниз, то оно будет похоже на булочника.

– Ерунда, – сказал Факиров, – почему на булочника?

– А вы испробуйте и тогда сами убедитесь, – сказал Хвилищевский, проглотив слюну, отчего его воротничок подпрыгнул, а галстук съехал на сторону.

– Ну, какое же число? – спросил Факиров, доставая ка-

рандаш.

– Позвольте, это число я держу в тайне, – сказал Хвилищевский.

Неизвестно, чем бы это все кончилось, но тут вошел Уемов и принес много новостей.

Факиров сидел в своем синем бархатном жилете и курил трубку.

Числа – такая важная часть природы! И рост и действие – все число.

А слово – это сила.

Число и слово – наша мать.

5 октября <1933–1934>

Старичок чесался обеими руками. Там, где нельзя было достать двумя руками, старичок чесался одной, но зато быстро-быстро. И при этом быстро мигал глазами.

Из паровозной трубы шел пар или так называемый дым. И нарядная птица, влетая в этот дым, вылетала из него обсаленной и помятой.

Хвилищевский ел клюкву, стараясь не морщиться. Он ждал, что все скажут: какая сила характера! Но никто не сказал ничего.

Было слышно, как собака обнюхивала дверь. Хвилищевский зажал в кулаке зубную щетку и тарасил глаза, чтобы лучше слышать. «Если собака войдет, – думал Хвилищевский – я ударю ее этой костяной ручкой прямо в висок!»

...Из коробки вышли какие-то пузыри. Хвилищевский на цыпочках удалился из комнаты и тихо прикрыл за собою дверь. «Черт с ней! – сказал себе Хвилищевский. – Меня не касается, что в ней лежит. В самом деле! Черт с ней!»

Хвилищевский хотел крикнуть: «Не пущу!» Но язык как-то подвернулся, и вышло: «Не пустю». Хвилищевский прищурил правый глаз и с достоинством вышел из залы. Но ему все-таки показалось, что он слышал, как хихикнул Цуккерман. <1933–1934>

О равновесии

Теперь все знают, как опасно глотать камни.

Один даже мой знакомый сочинил такое выражение: «Кавео», что значит: «Камни внутрь опасно». И хорошо сделал. «Кавео» легко запомнить, и как потребуется, так и вспомнишь сразу.

А служил этот мой знакомый истопником при паровозе. То по северной ветви ездил, а то в Москву. Звали его Николай Иванович Серпухов, а курил он папиросы «Ракета», 35 коп. коробка, и всегда говорил, что от них он меньше кашлем страдает, а от пятирублевых, говорит, я всегда задыхаюсь.

И вот случилось однажды Николаю Ивановичу попасть в «Европейскую» гостиницу, в ресторан. Сидит Николай Иванович за столиком, а за соседним иностранцы сидят и яблоки жрут.

Вот тут-то Николай Иванович и сказал себе: «Интересно, – сказал себе Николай Иванович, – как человек устроен».

Только это он себе сказал, откуда ни возьмись, появляется перед ним фея и говорит:

– Чего тебе, добрый человек, нужно?

Ну конечно, в ресторане происходит движение, откуда, мол, эта неизвестная дамочка возникла. Иностранцы так да-

же и яблоки жрать перестали.

Николай-то Иванович и сам не на шутку струхнул и говорит просто так, чтобы только отвязаться:

– Извините, – говорит, – особого такого ничего мне не требуется.

– Нет, – говорит неизвестная дамочка. – Я, – говорит, – что называется, фея. Одним моментом что угодно смастерю.

Только видит Николай Иванович, что какой-то гражданин в серой паре внимательно к их разговору прислушивается. А в открытые двери метрдотель бежит, а за ним еще какой-то субъект с папироской во рту.

– Что за черт! – думает Николай Иванович. – Неизвестно, что получается.

А оно и действительно неизвестно, что получается. Метрдотель по столам скачет, иностранцы ковры в трубочку закатывают, и вообще черт его знает! Кто во что горазд!

Выбежал Николай Иванович на улицу, даже шапку в раздевалке из хранения не взял, выбежал на улицу Лассаля и сказал себе: «Кавео! Камни внутрь опасно!» И чего-чего только на свете не бывает!

А придя домой, Николай Иванович так сказал жене своей: «Не пугайтесь, Екатерина Петровна, и не волнуйтесь. Только нет в мире никакого равновесия. И ошибка-то всего на какие-нибудь полтора килограмма на всю вселенную, а все же удивительно, Екатерина Петровна, совершенно удивительно!»

Всё.

Даниил Дандан

18 сентября 1934 года

О явлениях и существованиях

№ 1

Художник Миккель Анжело садится на груды кирпичей и, подперев голову руками, начинает думать. Вот проходит мимо петух и смотрит на художника Миккеля Анжело своими круглыми золотистыми глазами. Смотрит и не мигает. Тут художник Миккель Анжело поднимает голову и видит петуха. Петух не отводит глаз, не мигает и не двигает хвостом. Художник Миккель Анжело опускает глаза и замечает, что глаза что-то щиплет. Художник Миккель Анжело трет глаза руками. А петух не стоит уж больше, не стоит, а уходит, уходит за сарай, за сарай, на птичий двор, на птичий двор к своим курам.

И художник Миккель Анжело поднимается с груды кирпичей, отряхает со штанов красную кирпичную пыль, бросает в сторону ремешок и идет к своей жене.

А жена у художника Миккеля Анжело длинная-длинная, длиной в две комнаты.

По дороге художник Миккель Анжело встречает Комарова, хватает его за руку и кричит: «Смотри!»

Комаров смотрит и видит шар.

«Что это?» – шепчет Комаров.

А с неба грохочет: «Это шар».

«Какой такой шар?» – шепчет Комаров.

А с неба грохот: «Шар гладкоповерхностный!»

Комаров и художник Миккель Анжело садятся в траву, и сидят они в траве, как грибы. Они держат друг друга за руки и смотрят на небо. А на небе вырисовывается огромная ложка. Что же это такое? Никто этого не знает. Люди бегут и застревают в своих домах. И двери запирают, и окна. Но разве это поможет? Куда там! Не поможет это.

Я помню, как в 1884-м году показалась на небе обыкновенная комета величиной с пароход. Очень было страшно. А тут – ложка! Куда комете до такого явления.

Запирать окна и двери!

Разве это может помочь? Против небесного явления доской не загородишься.

У нас в доме живет Николай Иванович Ступин, у него теория, что все дым. А по-моему, не все дым. Может, и дыма-то никакого нет. Ничего, может быть, нет. Есть одно только разделение.

А может быть, и разделения-то никакого нет. Трудно сказать.

Говорят, один знаменитый художник рассматривал петуха. Рассматривал, рассматривал и пришел к убеждению, что петуха не существует.

Художник сказал об этом своему приятелю, а приятель давай смеяться. Как же, говорит, не существует, когда, говорит, он вот тут вот стоит, и я, говорит, его отчетливо наблю-

даю.

А великий художник опустил тогда голову и как стоял, так и сел на груды кирпичей.

Всё.

Даниил Дандан

18 сентября 1934 года

О явлениях и существованиях

№ 2

Вот бутылка с водкой, так называемый спиртуоз. А рядом вы видите Николая Ивановича Серпухова.

Вот из бутылки поднимаются спиртуозные пары. Поглядите, как дышит носом Николай Иванович Серпухов. Поглядите, как он облизывается и как он щурится. Видно, ему это очень приятно, и главным образом потому, что спирту оз.

Но обратите внимание на то, что за спиной Николая Ивановича нет ничего. Не то чтобы там не стоял шкаф, или комод, или вообще что-нибудь такое, а совсем ничего нет, даже воздуха нет. Хотите верьте, хотите не верьте, но за спиной Николая <Ивановича> нет даже безвоздушного пространства или, как говорится, мирового эфира. Откровенно говоря, ничего нет.

Этого, конечно, и вообразить себе невозможно.

Но на это нам плевать, нас интересует только спиртуоз и Николай Иванович Серпухов.

Вот Николай Иванович берет рукой бутылку со спиртуозом и подносит ее к своему носу. Николай Иванович нюхает и двигает ртом, как кролик.

Теперь пришло время сказать, что не только за спиной Николая Ивановича, но впереди, так сказать, перед грудью

и вообще кругом нет ничего. Полное отсутствие всякого существования, или, как острили когда-то: отсутствие всякого присутствия.

Однако давайте интересоваться только спиртуозом и Николаем Ивановичем.

Представьте себе, Николай Иванович заглядывает вовнутрь бутылки со спиртуозом, потом подносит ее к губам, запрокидывает бутылку доньшком вверх и выпивает, представьте себе, весь спиртуоз.

Вот ловко! Николай Иванович выпил спиртуоз и похлопал глазами. Вот ловко! Как это он!

А мы теперь должны сказать вот что: собственно говоря, не только за спиной Николая Ивановича или спереди и вокруг только, а также и внутри Николая Ивановича ничего не было, ничего не существовало.

Оно, конечно, могло быть так, как мы только что сказали, а сам Николай Иванович мог при этом восхитительно существовать. Это, конечно, верно. Но, откровенно говоря, вся штука в том, что Николай Иванович не существовал и не существует. Вот в чем штука-то.

Вы спросите: а как же бутылка со спиртуозом? Особенно куда вот делся спиртуоз, если его выпил несуществующий Николай Иванович? Бутылка, скажем, осталась. А где же спиртуоз? Только что был, а вдруг его и нет. Ведь Николай-то Иванович не существует, говорите вы. Вот как же это так?

Тут мы и сами теряемся в догадках.

А впрочем, что же это мы говорим? Ведь мы сказали, что как внутри, так и снаружи Николая Ивановича ничего не существует. А раз ни внутри, ни снаружи ничего не существует, то, значит, и бутылки не существует. Так ведь?

Но, с другой стороны, обратите внимание на следующее: если мы говорим, что ничего не существует ни изнутри, ни снаружи, то является вопрос: изнутри и снаружи чего? Что-то, видно, все же существует? А может, и не существует. Тогда для чего же мы говорили изнутри и снаружи?

Нет, тут явно тупик. И мы сами не знаем, что сказать.

До свидания.

Всё.

Даниил Дандан

18 сентября 1934 года

Маляр сел в люльку и сказал:

– Вот до той зазубрины дотяните и стоп.

Петров и Комаров взялись за канат.

– Валяй! – сказал маляр, и люлька поскакала вверх.

Маляр отпихивался от стены ногами. Люлька с маляром откачивалась и опять летела к стене. А маляр опять отпихивался от стены ногами.

Петров и Комаров тянули за канат. То Петров, то Комаров. Пока один тянул, другой на всякий случай держал свободный конец каната.

Маляр поднимался все выше.

В первом этаже был кооператив.

Маляр поднялся до вывески и уперся ногой в букву О.

В это время Комаров повис на канате, и люлька с маляром остановилась против окна во втором этаже.

Маляр поджал ноги, чтобы не высадить ими оконного стекла, но в это время на канате повис Петров, и маляр очутился в простенке между вторым и третьим этажом. На стене было написано мелом: «Ванька болван, а Наташка дура».

– Ишь ты! – сказал маляр и покрутил головой. – И сюда ведь, черти, забрались!

Но на канате повис опять Комаров, и маляр увидел перед собой открытое окно, а в окне комнату. В комнате стояли

два человека, один в пиджаке, а другой, кажется, без пиджака. Тот, который был в пиджаке, схватил того, который был, кажется, без пиджака, и душил его.

Но в это время на канате повис Петров, и маляр увидел перед собой ржавый карниз.

– Стой! – закричал маляр. – Давай обратно!

Петров и Комаров задрали кверху головы и смотрели на маляра.

– Чего смотрите! Вниз! Скорее! Там в окне душат! – кричал маляр и бил ногой в открытое окно.

Петров и Комаров засуетились и вдвоем повисли на канате. Маляр взлетел прямо к четвертому этажу, больно ударившись ногой о карниз.

– Вниз, черти! – крикнул маляр на всю улицу.

Петров и Комаров, видно, поняли, в чем дело, и начали понемногу опускать канат. Люлька поползла вниз. На улице начала собираться толпа.

Маляр перегнулся и заглянул в окно.

Человек без пиджака лежал на полу, а человек в пиджаке сидел на нем верхом и продолжал его душить.

– Ты чего делаешь? – крикнул ему маляр.

Человек в пиджаке даже не обернулся и продолжал душить человека без пиджака.

– Чего там такое? – кричали снизу Петров и Комаров.

– Да тут один человек другого душит! – кричал маляр. – Вот я тебя сейчас!

С этими словами маляр слез с люльки и прыгнул в комнату.

Облегченная люлька качнулась в сторону, ударилась об стену, отлетела от дома и с размаху двинула по водосточной трубе.

В трубе что-то зашумело, застучало, заклокотало, покати-лось и посыпалось.

Народ с криком отбежал на середину улицы. А из водо-сточной трубы на панель выскочили три маленьких кирпич-ных осколка.

Народ опять приблизился к дому.

Петров и Комаров все еще держались за канат и показы-вали, как они тянули люльку наверх, как маляр крикнул им опускать вниз и как один человек душил другого.

В толпе ахали и охали, смотрели наверх, и наконец реше-но было как-нибудь помочь маляру.

Человек в соломенном картузе предлагал свою помощь и говорил, что может по водосточной трубе забраться хоть на край света.

Старушка с маленьким лицом и таким большим носом, что его можно было взять двумя руками, требовала всех мо-шейников сдать милиции и лишить их паспорта, чтобы они знали, как мучать других.

Петров и Комаров, все еще держась за канат, говорили: «Мы его не упустим! Теперь уж нет! Шалишь!»

В это время из ворот дома выбежал дворник в огромной

косматой папахе, в голубой майке и красных резиновых галошах, надетых на рваные валенки. С криком: «Что тут случилось?» – он подбежал к Петрову и Комарову.

Дворнику объяснили, что в четвертом этаже, в том вон окне, один человек задушил другого.

– За мной! – крикнул дворник и бросился в парадную. Толпа кинулась за дворником.

Петров и Комаров привязали канат к какой-то деревянной дуге, торчащей из-под земли, и, говоря: «Ну нет, брат, не уйдешь!» – тоже скрылись в парадной.

Добежав до площадки четвертого этажа, дворник на секунду остановился и вдруг ринулся к двери, на которой висела дощечка с надписью: «Квартира № 8. Звонить 8 раз». А под этой дощечкой висела другая, на которой было написано: «Звонок не звонит. Стучите».

Собственно, на двери и не было никакого звонка.

Дворник встал на одной ноге спиной к двери, а другой ногой принялся колотить в дверь.

Народ столпился на площадке одним маршем ниже и оттуда следил за дворником.

Дворник бил ногой в дверь так усердно, и красная калоша так быстро мелькала назад и вперед, что у старушки с длинным носом закружилась голова.

Но дверь не открывалась.

Человек в соломенном картузе сказал, что простым гвоздем берется открыть любой замок.

На что старушка с длинным носом сказала, что замки теперь стали делать так плохо, что вора́м ничего не стоит открывать и закрывать их просто ногтями.

Тогда молодой человек с сумкой через плечо, из которой торчала свечка и хвост какой-то соленой рыбы, сказал, что французский замок легче всего открыть, если ударить его молотком по затылку. Тогда чугунная коробка треснет и замок откроется сам.

Этажом ниже Петров и Комаров объясняли друг другу, как маляр залез в окно и как надо хватать человека, если у него в руках охотничье ружье, заряженное крупной дробью.

А дворник все еще продолжал бить ногой в дверь.

– Нет, не открывают, – сказал дворник и повернул на голове папаху задом наперед.

<1934>

19

Хотите, я расскажу вам рассказ про эту крЮкицу? То есть не крЮкицу, а кирЮкицу. Или нет, не кирЮкицу, а куриякицу. Фу ты! Не куриякицу, а кукрикицу. Да не кукрикицу, а кирикрюкицу. Нет, опять не так! Курикрятицу? Нет, не курикрятицу! КирикурЮкицу? Нет, опять не так!

Забыл я, как эта птица называется. А уж если б не забыл, то рассказал бы вам рассказ про эту кирикукукрекицу.

<1934–1935>

Рыцарь

Алексей Алексеевич Алексеев был настоящий рыцарь. Так, например, однажды, увидя из трамвая, как одна дама запнулась о тумбу и выронила из кошелки стеклянный колпак для настольной лампы, который тут же и разбился, Алексей Алексеевич, желая помочь этой даме, решил пожертвовать собой и, выскочив из трамвая на полном ходу, упал и раскроил себе о камень всю рожу. В другой раз, видя, как одна дама, перелезая через забор, зацепилась юбкой за гвоздь и застряла так, что, сидя верхом на заборе, не могла двинуться ни взад ни вперед, Алексей Алексеевич начал так волноваться, что от волнения выдавил себе языком два передних зуба. Одним словом, Алексей Алексеевич был самым настоящим рыцарем, да и не только по отношению к дамам. С небывалой легкостью Алексей Алексеевич мог пожертвовать своей жизнью за Веру, Царя и Отечество, что и доказал в 14-м году, в начале германской войны, с криком «За Родину!» выбросившись на улицу из окна третьего этажа. Каким-то чудом Алексей Алексеевич остался жив, отделавшись только несерьезными ушибами, и вскоре, как столь редкостно ревностный патриот, был отослан на фронт.

На фронте Алексей Алексеевич отличался небывало возвышенными чувствами и всякий раз, когда он произносил

слова «стяг», «фанфара» или даже просто «эполеты», по лицу его бежала слеза умиления.

В 16-м году Алексей Алексеевич был ранен в чресла и удален с фронта.

Как инвалид I категории, Алексей Алексеевич не служил и, пользуясь свободным временем, излагал на бумаге свои патриотические чувства.

Однажды, беседуя с Константином Лебедевым, Алексей Алексеевич сказал свою любимую фразу: «Я пострадал за Родину и разбил свои чресла, но существую силой убеждения своего заднего подсознания».

– И дурак! – сказал ему Константин Лебедев. – Наивысшую услугу родине окажет только ЛИБЕРАЛ.

Почему-то эти слова глубоко запали в душу Алексея Алексеевича, и вот в 17-м году он уже называет себя либералом, чреслами своими пострадавшим за отчизну.

Революцию Алексей Алексеевич воспринял с восторгом, несмотря даже на то, что был лишен пенсии. Некоторое время К. Л. снабжал его тростниковым сахаром, шоколадом, консервированным салом и пшенной крупой. Но когда Константин Лебедев вдруг неизвестно куда пропал, Алексею Алексеевичу пришлось выйти на улицу и просить подаяния. Сначала Алексей Алексеевич протягивал руку и говорил: «Подайте, Христа ради, чреслами своими пострадавшему за Родину». Но это успеха не имело. Тогда Алексей Алексеевич заменил слово «родину» словом «революцию». Но и это

успеха не имело. Тогда Алексей Алексеевич сочинил революционную песню и, завидя на улице человека, способного, по мнению Алексея Алексеевича, подать милостыню, делал шаг вперед и, гордо, с достоинством, откинув назад голову, начинал петь:

На баррикады мы все пойдем! За свободу мы все покалечимся и умрем!

И лихо, по-польски притопнув каблуком, Алексей Алексеевич протягивал шляпу и говорил: «Подайте милостыню, Христа ради». Это помогало, и Алексей Алексеевич редко оставался без пищи.

Все шло хорошо, но вот в 22-м году Алексей Алексеевич познакомился с неким Иваном Ивановичем Пузыревым, торговавшим на Сенном рынке подсолнечным маслом. Пузырев пригласил Алексея Алексеевича в кафе, угостил его настоящим кофе и сам, чавкая пирожными, изложил ему какое-то сложное предприятие, из которого Алексей Алексеевич понял только, что и ему надо что-то делать, за что он будет получать от Пузырева ценнейшие продукты питания. Алексей Алексеевич согласился, и Пузырев тут же, в виде поощрения, передал ему под столом два цибыка чая и пачку папирос «Раджа».

С этого дня Алексей Алексеевич каждое утро приходил на рынок к Пузыреву и, получив от него какие-то бумаги с кривыми подписями и бесчисленными печатями, брал саночки, если это происходило зимой, или, если это происходило ле-

том, – тачку и отправлялся, по указанию Пузырева, по разным учреждениям, где, предъявив бумаги, получал какие-то ящики, которые грузил на свои саночки или тележку и вечером отвозил их Пузыреву на квартиру. Но однажды, когда Алексей Алексеевич подкатил свои саночки к Пузыревской квартирке, к нему подошли два человека, из которых один был в военной шинели, и спросили его: «Ваша фамилия – Алексеев?» Потом Алексея Алексеевича посадили в автомобиль и увезли в тюрьму.

На допросах Алексей Алексеевич ничего не понимал и все только говорил, что он пострадал за революционную родину. Но, несмотря на это, был приговорен к десяти годам ссылки в северные части своего отечества. Вернувшись в 28-м году обратно в Ленинград, Алексей Алексеевич занялся своим прежним ремеслом и, встав на углу пр. Володарского, закинул с достоинством голову, притопнул каблуком и запел:

На баррикады
мы все пойдем!
За свободу
мы все покалечимся и умрем!

Но не успел он пропеть это и два раза, как был увезен в крытой машине куда-то по направлению к Адмиралтейству. Только его и видели.

Вот краткая повесть жизни доблестного рыцаря и патриота Алексея Алексеевича Алексеева.

<1934-1936>

Иван Яковлевич Бобов проснулся в самом приятном настроении духа. Он выглянул из-под одеяла и сразу же увидел потолок. Потолок был украшен большим серым пятном с зеленоватыми краями. Если смотреть на пятно пристально, одним глазом, то пятно становилось похоже на носорога, запряженного в тачку, хотя другие находили, что оно больше походит на трамвай, на котором сидит верхом великан, а впрочем, в этом пятне можно было усмотреть и очертание даже какого-то города. Иван Яковлевич посмотрел на потолок, но не в то место, где было пятно, а так, неизвестно куда, при этом он улыбнулся и сощурил глаза. Потом он вытаращил глаза и так высоко поднял брови, что лоб сложился как гармошка и чуть совсем не исчез, если бы Иван Яковлевич не сощурил глаза опять и вдруг, будто устыдившись чего-то, натянул одеяло себе на голову. Он сделал это так быстро, что из-под другого конца одеяла выставились голые ноги Ивана Яковлевича, и сейчас же на большой палец левой ноги села муха. Иван Яковлевич подвигал этим пальцем, и муха перелетела и села на пятку. Тогда Иван Яковлевич схватил одеяло обеими ногами, одной ногой он подцепил одеяло снизу, а другую ногу он вывернул и прижал ею одеяло сверху, и таким образом стянул одеяло со своей головы. «Шиш», — сказал Иван Яковлевич и надул щеки. Обыкновенно, когда

Ивану Яковлевичу что-нибудь удавалось или, наоборот, что-нибудь совсем не выходило, Иван Яковлевич всегда говорил «шиш»; разумеется, не громко и вовсе не для того, чтобы кто-нибудь это слышал, а так, про себя, самому себе. И вот, сказав «шиш», Иван Яковлевич сел на кровати и протянул руку к стулу, на котором лежали его брюки, рубашка и прочее белье. Брюки Иван Яковлевич любил носить полосатые. Но раз действительно нигде нельзя было достать полосатых брюк. Иван Яковлевич и в «Ленинградодежде» был, и в Универмаге, и в Пассаже, и в Гостином дворе, и на Петроградской стороне обошел все магазины, даже куда-то на Охту съездил, но нигде полосатых брюк не нашел. А старые брюки Ивана Яковлевича износились уже настолько, что надеть их стало невозможно. Иван Яковлевич зашивал их несколько раз, но наконец и это перестало помогать. Иван Яковлевич еще раз обошел все магазины и, опять не найдя нигде полосатых брюк, решил наконец купить клетчатые. Но и клетчатых брюк нигде не оказалось. Тогда Иван Яковлевич решил купить себе серые брюки, но и серых нигде не нашел. Не нашлись нигде и черные брюки, годные на рост Ивана Яковлевича. Тогда Иван Яковлевич пошел покупать синие брюки, но пока он искал черные, пропали всюду и синие, и коричневые. И вот, наконец, Ивану Яковлевичу пришлось купить зеленые брюки с желтыми крапинками. В магазине Ивану Яковлевичу показалось, что брюки не очень уж яркого цвета и желтая крапинка вовсе не режет глаз. Но придя

домой, <Иван Яковлевич> обнаружил, что одна штанина и точно будто благородного оттенка, но зато другая просто бирюзовая, и желтая крапинка так и горит на ней. Иван Яковлевич попробовал вывернуть брюки на другую сторону, но там обе половины имели тяготение перейти в желтый цвет с зелеными горошинами и имели такой веселый вид, что, кажись, вынеси такие штаны на эстраду после сеанса кинематографа, и ничего больше не надо, публика полчаса будет смеяться. Два дня Иван Яковлевич не решался надеть новых брюк, но когда старые разодрались так, что издали можно было видеть, что и кальсоны Ивана Яковлевича требуют починки, пришлось надеть новые брюки. Первый раз в новых брюках Иван Яковлевич вышел очень осторожно. Выйдя из подъезда, он посмотрел раньше в обе стороны, а убедившись, что никого поблизости нет, вышел на улицу и быстро зашагал по направлению к своей службе. Первым повстречался яблочный торговец с большой корзиной на голове. Он ничего не сказал, увидя Ивана Яковлевича, и только когда Иван Яковлевич прошел мимо, остановился, и так как корзина не позволила повернуть голову, то яблочный торговец повернулся весь сам и посмотрел вслед Ивану Яковлевичу, может быть, даже покачал бы головой, если бы опять-таки не все та же корзина. Иван Яковлевич бодро шел вперед, считая свою встречу с торговцем хорошим предзнаменованием, он не видел маневра торговца и утешал себя, что брюки не так уж бросаются в глаза. Теперь навстречу Ивану Яковлевичу

шел такой же служащий, как и он, с портфелем под мышкой. Служащий шел быстро, зря по сторонам не смотрел, а больше смотрел себе под ноги. Поравнявшись с Иваном Яковлевичем, служащий скользнул взглядом по брюкам Ивана Яковлевича и остановился. Иван Яковлевич остановился тоже. Служащий смотрел на Ивана Яковлевича, а Иван Яковлевич на служащего.

– Простите, – сказал служащий, – вы не можете сказать мне, как пройти в сторону... этого... государственного... биржи?

– Это вам надо идти по мостовой... по мосту... нет, вам надо идти так, а потом так, – сказал Иван Яковлевич.

Служащий сказал «спасибо» и быстро ушел, а Иван Яковлевич сделал несколько шагов вперед, но, увидав, что теперь навстречу ему идет не служащий, а служащая, опустил голову и перебежал на другую сторону улицы. На службу Иван Яковлевич пришел с опозданием и очень злой. Сослуживцы Ивана Яковлевича, конечно, обратили внимание на зеленые брюки со штанинами разного оттенка, но, видно, догадались, что это причина злости Ивана Яковлевича, и расспросами его не беспокоили. Две недели мучился Иван Яковлевич, ходя в зеленых брюках, пока один из его сослуживцев, Аполлон Максимович Шилов, не предложил Ивану Яковлевичу купить полосатые брюки самого Аполлона Максимовича, будто бы не нужные Аполлону Максимовичу.

<1934-1937>

Говорят, скоро всем бабам обрежут задницы и пустят их гулять по Володарской.

Это неверно! Бабам задниц резать не будут.

<Середина 1930-х>

Однажды Антон Бобров сел в автомобиль и поехал в город.

Автомобиль наскочил на ломаные грабли.

Лопнула шина.

Антон Бобров сел на кочку возле дороги и задумался.

Вдруг что-то сильно ударило Антона Боброва по голове.

Антон Бобров упал и потерял сознание.

<Середина 1930~х>

Человек с глупым лицом съел антрекот, икнул и умер. Официанты вынесли его в коридор, ведущий к кухне, и положили его на пол вдоль стены, прикрыв грязной скатертью.

<Середина 1930-х>

История

Абрам Демьянович Понтопасов громко вскрикнул и прижал к глазам платок. Но было поздно. Пепел и мягкая пыль залепили глаза Абрама Демьяновича. С этого времени глаза Абрама Демьяновича начали болеть, постепенно покрылись они противными болячками, и Абрам Демьянович ослеп.

Слепому инвалида Абрама Демьяновича вытолкали со службы и назначили ему мизерную пенсию в 36 руб. в месяц.

Совершенно понятно, что этих денег не хватало на жизнь Абраму Демьяновичу. Кило хлеба стоило рубль десять копеек, а лук-порей стоил 45 копеек на рынке.

И вот инвалид труда стал все чаще и чаще прикладываться к выгребным ямам.

Трудно было слепому среди всей шелухи и грязи найти съедобный отброс.

А на чужом дворе и самую-то помойку найти не легко. Глазами-то не видать, а спросить: «Где тут у вас помойная яма?» – как-то неловко.

Оставалось только нюхать.

Некоторые помойки так пахнут, что за версту слышно, а другие, которые с крышкой, совершенно найти невозможно.

Хорошо, если дворник добрый попадется, а другой так шугнет, что всякий аппетит пропадает.

Однажды Абрам Демьянович залез на чужую помойку, а его там укусила крыса, он и вылез обратно. Так в этот день и не ел ничего.

Но вот как-то утром у Абрама Демьяновича что-то отскочило от правого глаза.

Абрам Демьянович протер этот глаз и вдруг увидел свет. А потом и от левого глаза что-то отскочило, и Абрам Демьянович прозрел.

С этого дня Абрам Демьянович пошел в гору.

Всюду Абрам Демьянович нарасхват.

А в Наркомтяжпроме, так там Абрама Демьяновича чуть на руках не носили.

И стал Абрам Демьянович великим человеком.

Даниил Хармс

8 января 1935

Карьера Ивана Яковлевича Антонова

Это случилось еще до революции.

Одна купчиха зевнула, а к ней в рот залетела кукушка.

Купец прибежал на зов своей супруги и, моментально сообразив, в чем дело, поступил самым остроумным способом.

С тех пор он стал известен всему населению города, и его выбрали в сенат.

Но прослужив года четыре в сенате, несчастный купец однажды вечером зевнул, и ему в рот залетела кукушка.

На зов своего мужа прибежала купчиха и поступила самым остроумным способом.

Слава об ее находчивости распространилась по всей губернии, и купчиху повезли в столицу показать митрополиту.

Выслушивая длинный рассказ купчихи, митрополит зевнул, и ему в рот залетела кукушка.

На громкий зов митрополита прибежал Иван Яковлевич Григорьев и поступил самым остроумным способом.

За это Ивана Яковлевича Григорьева переименовали в Ивана Яковлевича Антонова и представили царю.

И вот теперь становится ясным, каким образом Иван Яковлевич Антонов сделал себе карьеру.

8 января 1936 года

Происшествие на улице

Однажды один человек соскочил с трамвая, да так неудачно, что попал под автомобиль.

Движение уличное остановилось, и милиционер принялся выяснять, как произошло это несчастье.

Шофер долго что-то объяснял, показывая пальцем на передние колеса автомобиля.

Милиционер ощупал эти колеса и записал чего-то в свою книжечку.

Вокруг собралась довольно многочисленная толпа.

Какой-то гражданин с тусклыми глазами все время сваливался с тумбы.

Какая-то дама все оглядывалась на другую даму, а та, в свою очередь, все оглядывалась на первую даму.

Потом толпа разошлась, и уличное движение вновь восстановилось.

Но гражданин с тусклыми глазами долго еще валился с тумбы, но наконец и он прекратил свое занятие.

В это время какой-то человек, несший стул, видно только что купленный, – со всего размаху угодил под трамвай.

Опять пришел милиционер, опять собралась толпа, и остановилось уличное движение, и гражданин с тусклыми глазами опять начал сваливаться с тумбы.

Ну а потом все опять стало хорошо, и даже Иван Семенович Карпов завернул в столовую.

Даниил Хармс

10 января 1935 года

Неожиданная попойка

Однажды Антонина Алексеевна ударила своего мужа служебной печатью и выпачкала ему лоб печатной краской.

Сильно оскорбленный Петр Леонидович, муж Антонины Алексеевны, заперся в ванной комнате и никого туда не пустил.

Однако жильцы коммунальной квартиры, имея сильную нужду пройти туда, где сидел Петр Леонидович, решили силой взломать запертую дверь.

Видя, что его дело проиграно, Петр Леонидович вышел из ванной комнаты и, пройдя к себе, лег на кровать.

Но Антонина Алексеевна решила преследовать своего мужа до конца. Она нарвала мелких бумажек и посыпала ими лежащего на кровати Петра Леонидовича.

Взбешенный Петр Леонидович выскочил в коридор и принялся там рвать обои.

Тут выбежали все жильцы и, видя, что делает несчастный Петр Леонидович, накинулись на него и разодрали на нем жилетку.

Петр Леонидович побежал в ЖАКТ.

В это время Антонина Алексеевна разделась догола и спряталась в сундук.

Через десять минут вернулся Петр Леонидович, ведя за

собой управдома.

Не найдя жены в комнате, управдом и Петр Леонидович решили воспользоваться свободным помещением и выпить водочки. Петр Леонидович взялся сбегать за этим напитком на угол.

Когда Петр Леонидович ушел, Антонина Алексеевна вылезла из сундука и предстала в голом виде перед управдомом.

Потрясенный управдом вскочил со стула и подбежал к окну, но, видя мощное сложение молодой двадцатилетней женщины, вдруг пришел в дикий восторг.

Тут вернулся Петр Леонидович с литром водки.

Увидя, что творится в его комнате, Петр Леонидович нахмурил брови.

Но его супруга Антонина Алексеевна показала ему служебную печать, и Петр Леонидович успокоился.

Антонина Алексеевна высказала желание принять участие в попойке, но обязательно в голом виде, да еще вдобавок сидя на столе, на котором предполагалось разложить закуски к водке.

Мужчины сели на стулья, Антонина Алексеевна села на стол, и попойка началась.

Нельзя назвать это гигиеничным, если голая молодая женщина сидит на том же столе, где едят. К тому же Антонина Алексеевна была женщиной довольно полного сложения и не особенно чистоплотной, так что было вообще черт знает что.

Скоро, однако, все напилось и заснуло, мужчины на полу, а Антонина Алексеевна на столе.

И в коммунальной квартире водворилась тишина.

Д.Х.

22 янв<аря> 1933 года

Жил-был человек, звали его Кузнецов. Однажды сломалась у него табуретка. Он вышел из дома и пошел в магазин купить столярного клея, чтобы склеить табуретку.

Когда Кузнецов проходил мимо недостроенного дома, сверху упал кирпич и ударил Кузнецова по голове.

Кузнецов упал, но сразу же вскочил на ноги и пощупал свою голову. На голове у Кузнецова вскочила огромная шишка.

Кузнецов погладил шишку рукой и сказал:

– Я, гражданин Кузнецов, вышел из дома и пошел в магазин, чтобы... чтобы... чтобы... Ах, что же это такое! Я забыл, зачем я пошел в магазин.

В это время с крыши упал второй кирпич и опять стукнул Кузнецова по голове.

– Ах! – вскрикнул Кузнецов, схватился за голову и нащупал на голове вторую шишку.

– Вот так история! – сказал Кузнецов. – Я, гражданин Кузнецов, вышел из дома и пошел в... пошел в... пошел в... куда же я пошел? Я забыл, куда я пошел!

Тут сверху на Кузнецова упал третий кирпич. И на голове Кузнецова вскочила третья шишка.

– Ай-ай-ай! – закричал Кузнецов, хватаясь за голову. – Я, гражданин Кузнецов, вышел из... вышел из... вышел из

погребца? Нет. Вышел из бочки? Нет! Откуда же я вышел?

С крыши упал четвертый кирпич, ударил Кузнецова по затылку, и на затылке у Кузнецова вскочила четвертая шишка.

– Ну и ну! – сказал Кузнецов, почесывая затылок. – Я... я... я... Кто же я? Никак я забыл, как меня зовут. Вот так история! Как же меня зовут? Василий Петухов? Нет. Николай Сапогов? Нет. Пантелей Рысаков? Нет. Ну кто же я?

Но тут с крыши упал пятый кирпич и так стукнул Кузнецова по затылку, что Кузнецов окончательно позабыл все на свете и, крикнув: «О-го-го!», побежал по улице.

Пожалуйста! Если кто-нибудь встретит на улице человека, у которого на голове пять шишек, то напомните ему, что зовут его Кузнецов и что ему нужно купить столярного клея и починить ломаную табуретку.

1 ноября 1935 года

Окно, занавешенное шторой, все больше и больше светлело, потому что начался день. Заскрипели полы, запели двери, в квартирах задвигали стульями. Ружецкий, вылезая из кровати, упал на пол и разбил себе лицо. Он торопился на службу и потому вышел на улицу, прикрыв лицо просто руками. Руки мешали Ружецкому видеть, куда он идет, и потому он дважды налетал на афишную будку, толкнул какого-то старичка в коленкоровой шапке с меховыми наушниками, чем и привел старичка в такую ярость, что случившийся тут поблизости дворник, старающийся поймать лопатой кошку, сказал расходившемуся старичку: «Стыдно, батька, в твои-то годы так безобразничать!»

<1935>

31

Басня

Один человек небольшого роста сказал: «Я согласен на все, только бы быть хоть капельку повыше».

Только он это сказал, как смотрит – стоит перед ним волшебница.

– Чего ты хочешь? – говорит волшебница.

А человек небольшого роста стоит и от страха ничего сказать не может.

– Ну! – говорит волшебница.

А человек небольшого роста стоит и молчит. Волшебница исчезла.

Тут человек небольшого роста начал плакать и кусать себе ногти. Сначала на руках все ногти сгрыз, а потом на ногах.

Читатель, вдумайся в эту басню, и тебе станет не по себе.

<1935>

Одному французу подарили диван, четыре стула и кресло.

Сел француз на стул у окна, а самому хочется на диване полежать. Лег француз на диван, а ему уже на кресле посидеть хочется. Встал француз с дивана и сел на кресло, как король, а у самого мысли в голове уже такие, что на кресле-то больно пышно. Лучше попроще, на стуле. Пересел француз на стул у окна, да только не сидится француз на этом стуле, потому что в окно как-то дует. Француз пересел на стул возле печки и почувствовал, что он устал. Тогда француз решил лечь на диван и отдохнуть, но, не дойдя до дивана, свернул в сторону и сел на кресло.

– Вот где хорошо! – сказал француз, но сейчас же прибавил: – А на диване-то, пожалуй, лучше.

<Вторая половина 1930-х>

Личное переживание одного музыканта

Меня называли извергом.

А разве это не так?

Нет, это не так. Доказательств я приводить не буду.

Я слышал, как моя жена говорила в телефонную трубку какому-то Михюсе, что я глуп.

Я сидел в это время под кроватью, и меня не было видно.

О! что я испытывал в этот момент!

Я хотел выскочить и крикнуть: «Нет, я не глуп!»

Воображаю, что бы тут было!

Я опять сидел под кроватью и не был виден.

Но зато мне-то было видно, что этот самый Михюся проделал с моей женой.

—

Сегодня моя жена опять принимала этого Михюсю.

Я начинаю думать, что я, в глазах жены, перехожу на задний план.

Михюся даже лазал в ящиках моего письменного стола.

Я сам сидел под кроватью и не был виден.

—

Я сидел опять под кроватью и не был виден.

Жена и Михюся говорили обо мне в самых неприятных тонах.

Я не вытерпел и крикнул им, что они все врут.

—

Вот уже пятый день, как меня избивали, а кости все еще ноют.

Д.х.

<1935–1936>

Смерть старичка

У одного старичка из носа выскочил маленький шарик и упал на землю. Старичок нагнулся, чтобы поднять этот шарик, и тут у него из глаза выскочила маленькая палочка и тоже упала на землю. Старичок испугался и, не зная, что делать, пошевелил губами. В это время у старичка изо рта выскочил маленький квадратик. Старичок схватил рот рукой, но тут у старичка из рукава выскочила маленькая мышка. Старичку от страха сделалось нехорошо, и он, чтобы не упасть, сел на корточки. Но тут в старичке что-то хрустнуло, и он, как мягкая плюшевая шуба, повалился на землю. Тут у старичка из прорешки выскочил длиненький прутик, и на самом конце этого прутика сидела тоненькая птичка. Старичок хотел крикнуть, но у него одна челюсть зашла за другую, и он, вместо того чтобы крикнуть, только слабо икнул и закрыл один глаз. Другой глаз у старичка остался открытым и, перестав двигаться и блестеть, стал неподвижным и мутным, как у мертвого человека. Так настигла коварная смерть старичка, не знавшего своего часа.

В одном большом городе на главной улице стояла интересная дама в длинном котиковом манто с голыми рукавами. На голове у этой дамы была маленькая шапочка, сделанная из меха, имеющего очень короткий ворс. В зубах эта дама держала папироску, но папироска давно уже потухла, и дым ее давно уже разлетелся. Дама была очень красива: нос у нее был прямой, с маленькой горбинкой внизу и с изящным поворотом наверху. Глаза у дамы были голубые, но такие глубокие, что казались не то черными, не то не черными, а карими. Ноздри у дамы были большие, но так устроены, что каждый прохожий мог заглянуть в них, не замедляя шага, и, оставшись довольным содержимым носа красавицы, продолжать свой путь.

Красивая дама, как видно, ждала трамвая или автобуса. Она вынула изо рта папироску, бросила ее на землю и затоптала ногой.

Вдруг к этой даме подошел интересный молодой человек, одетый во все клетчатое. Видно было, что он только что из парикмахерской, где его побрили, но нечаянно полоснули бритвой по щеке, потому что поперек лица молодого человека шел свежий еще пластырь. Подойдя к даме, молодой человек, в знак приветствия, поднял обе руки, причем от этого движения справа под мышкой у него лопнул пиджак, и отту-

да выглянуло что-то фиолетовое.

– А, это вы, – радостно сказала дама, облизывая губы.

– А я думал, что это не вы, – сказал молодой человек и наклонил голову набок, при этом он шаркнул ножкой, но, как видно, неудачно, потому что от сапога той ноги, которой шаркнул молодой человек, отлетел каблук.

– Фу, какая досада! – сказал молодой человек, поднимая каблук и вертя его в руке.

– Бывает, – сказала дама, пожимая плечами. – Я вот жду трамвая или автобуса.

– Ну? – сказал молодой человек, еще раз посмотрев на каблук и отбрасывая его в сторону. – Пойдемте в Европейку.

– В Европейку? – спросила дама. – Ну ладно. Идет. В Европейку так в Европейку!

Дама тряхнула головой и взяла молодого человека под руку.

– Как я вас неожиданно встретил, – сказал молодой человек, идя прихрамывая рядом с красивой дамой.

<1935–1936>

Воспоминания одного мудрого старика

Я был очень мудрым стариком.

Теперь я уже не то, считайте даже, что меня нет. Но было время, когда любой из вас пришел бы ко мне, и, какая бы тяжесть ни томила его душу, какие бы грехи ни терзали его мысли, я бы обнял его и сказал: «Сын мой, утешься, ибо никакая тяжесть души твоей не томит, и никаких грехов не вижу я в теле твоём», – и он убежал бы от меня счастливый и радостный.

Я был велик и силен. Люди, встречая меня на улице, шарахались в сторону, и я проходил сквозь толпу, как утюг.

Мне часто целовали ноги, но я не протестовал: я знал, что достоин этого. Зачем лишать людей радости почтить меня? Я даже сам, будучи чрезвычайно гибким в теле, попробовал поцеловать себе свою собственную ногу. Я сел на скамейку, взял в руки свою правую ногу и подтянул ее к лицу. Мне удалось поцеловать большой палец на ноге. Я был счастлив. Я понял счастье других людей.

Все преклонялись передо мной! И не только люди, даже звери, даже разные букашки ползали передо мной и виляли своими хвостами. А кошки! Те просто души во мне не чая-

ли и, каким-то образом сцепившись лапами друг с другом, бежали передо мной, когда я шел по лестнице.

В то время я был действительно очень мудр и все понимал. Не было такой вещи, перед которой я встал бы в тупик. Одна минута напряжения моего чудовищного ума, и самый сложный вопрос разрешался наипростейшим образом. Меня даже водили в Институт Мозга и показывали ученым профессорам. Те электричеством измерили мой ум и просто оупуели. «Мы никогда ничего подобного не видали», – сказали они.

Я был женат, но редко видел свою жену. Она боялась меня: колоссальность моего ума подавляла ее. Она не жила, а трепетала, и, если я смотрел на нее, она начинала икать. Мы долго жили с ней вместе, но потом она, кажется, куда-то исчезла; точно не помню.

Я был всегда справедлив и зря никого не бил, потому что когда кого-нибудь бьешь, то всегда шалеешь, и тут можно переборщить. Детей, например, никогда не надо бить ножом или вообще чем-нибудь железным, а женщин, наоборот: никогда не следует бить ногой. Животные, те, говорят, выносливы. Но я производил в этом направлении опыты и знаю, что это не всегда так.

Благодаря своей гибкости, я мог делать то, чего никто не мог сделать. Так, например, мне удалось однажды достать рукой из очень извилистой фановой трубы заскочившую туда случайно серьгу моего брата. Я мог, например, спрятать-

ся в сравнительно небольшую корзинку и закрыть за собой крышку.

Да, конечно, я был феноменален!

Мой брат был полная моя противоположность: во-первых, он был выше ростом, а во-вторых, глупее.

Мы с ним никогда не дружили. Хотя, впрочем, дружили, и даже очень. Я тут чего-то напутал: мы именно с ним не дружили и всегда были в ссоре. А поссорились мы с ним так. Я стоял около магазина; там выдавали сахар, и я стоял в очереди и старался не слушать, что говорят кругом. У меня немножечко болел зуб, и настроение было неважное. На улице было очень холодно, потому что все стояли в ватных шубах и все-таки мерзли. Я тоже стоял в ватной шубе, но сам не очень мерз, а мерзли мои руки, потому что то и дело приходилось вынимать их из кармана и поправлять чемодан, который я держал, зажав ногами, чтобы он не пропал. Вдруг меня ударил кто-то по спине. Я пришел в неопишваемое негодование и с быстротой молнии стал обдумывать, как наказать обидчика. В это время меня ударили по спине вторично. Я весь насторожился, но решил голову назад не поворачивать и сделать вид, будто я ничего не заметил. Я только на всякий случай взял чемодан в руку. Прошло минут семь, и меня в третий раз ударили по спине. Тут я повернулся и увидел перед собой высокого пожилого человека в довольно поношенной, но все же хорошей ватной шубе.

– Что вам от меня нужно? – спросил я его строгим и даже

слегка металлическим голосом.

– А ты что не оборачиваешься, когда тебя окликают? – сказал он.

Я задумался над содержанием его слов, когда он опять открыл рот и сказал:

– Да ты что? Не узнаешь, что ли, меня? Ведь я твой брат.

Я опять задумался над его словами, а он снова открыл рот и сказал:

– Послушай-ка, брат. У меня не хватает на сахар четырех рублей, а из очереди уходить обидно. Одолжи-ка мне пятерку, а мы с тобой потом рассчитаемся.

Я стал раздумывать о том, почему брату не хватает четырех рублей, но он схватил меня за рукав и сказал:

– Ну так как же, одолжишь ты своему брату немного денег? – и с этими словами он сам расстегнул мне мою ватную шубу, залез ко мне во внутренний карман и достал мой кошелек.

– Вот, – сказал он, – я, брат, возьму у тебя займы некоторую сумму, а кошелек, вот смотри, я кладу тебе обратно в пальто. – И он сунул кошелек в наружный карман моей шубы.

Я был, конечно, удивлен, так неожиданно встретив своего брата. Некоторое время я помолчал, а потом спросил его:

– А где же ты был до сих пор?

– Там, – отвечал мне брат и махнул куда-то рукой.

Я задумался: где это «там»; но брат подтолкнул меня в бок

и сказал:

– Смотри: в магазин начали пускать.

До дверей магазина мы шли вместе, но в магазине я оказался один, без брата. Я на минутку выскочил из очереди и выглянул через дверь на улицу. Но брата нигде не было.

Когда я хотел опять занять в очереди свое место, меня туда не пустили и даже постепенно вытолкали на улицу. Я, сдерживая гнев на плохие порядки, отправился домой. Дома я обнаружил, что мой брат изъясил из моего кошелька все деньги. Тут я страшно рассердился на брата, и с тех пор мы с ним никогда больше не мирились.

Я жил один и пускал к себе только тех, кто приходил ко мне за советом. Но таких было много, и выходило так, что я ни днем, ни ночью не знал покоя. Иногда я уставал до такой степени, что ложился на пол и отдыхал. Я лежал на полу до тех пор, пока мне не делалось холодно, тогда я вскакивал и начинал бегать по комнате, чтобы согреться. Потом я опять садился на скамейку и давал советы всем нуждающимся.

Они входили ко мне друг за другом, иногда даже не открывая дверей. Мне было весело смотреть на их мучительные лица. Я говорил с ними, а сам едва сдерживал смех.

Один раз я не выдержал и рассмеялся. Они с ужасом кинулись бежать, кто в дверь, кто в окно, а кто и прямо сквозь стену.

Оставшись один, я встал во весь свой могучий рост, открыл рот и сказал:

– Прим тим прам.

Но тут во мне что-то хрустнуло, и с тех пор можете считать, что меня больше нет.

<1935–1937>

Судьба жены профессора

Однажды один профессор съел чего-то, да не то, и его начало рвать.

Пришла его жена и говорит: «Ты чего?» А профессор говорит: «Ничего». Жена обратно ушла.

Профессор лег на оттоманку, полежал, отдохнул и на службу пошел.

А на службе ему сюрприз, жалование скостили: вместо 650 руб. всего только 500 оставили. Профессор туда-сюда – ничего не помогает. Профессор к директору, а директор его в шею. Профессор к бухгалтеру, а бухгалтер говорит: «Обратитесь к директору». Профессор сел на поезд и поехал в Москву.

По дороге профессор схватил грипп. Приехал в Москву, а на платформу вылезти не может.

Положили профессора на носилки и отнесли в больницу.

Пролежал профессор в больнице не более четырех дней и умер.

Тело профессора сожгли в крематории, пепел положили в баночку и послали его жене.

Вот жена профессора сидит и кофе пьет. Вдруг звонок. Что такое? «Вам посылка».

Жена обрадовалась, улыбается во весь рот, почтальону

полтинник в руку сует и скорее посылку распечатывает.

Смотрит, а в посылке баночка с пеплом и записка: «Вот все, что осталось от Вашего супруга».

Жена ничего понять не может. Трясет баночку, на свет ее смотрит, записку шесть раз прочитала, наконец сообразила, в чем дело, и страшно расстроилась.

Жена профессора очень расстроилась, поплакала часа три и пошла баночку с пеплом хоронить. Завернула она баночку в газету и отнесла в сад имени 1-ой Пятилетки, б. Таврический.

Выбрала жена профессора аллею поглуше и только хотела баночку в землю зарыть, – вдруг идет сторож.

– Эй! – кричит сторож. – Ты чего тут делаешь?

Жена профессора испугалась и говорит:

– Да вот хотела лягушек в баночку наловить.

– Ну, – говорит сторож, – это ничего, только смотри, по траве ходить воспрещается.

Когда сторож ушел, жена профессора зарыла баночку в землю, ногой вокруг притоптала и пошла по саду погулять.

А в саду к ней какой-то матрос пристал. Пойдем да пойдем, говорит, спать. Она говорит: «Зачем же днем спать?» А он опять свое: спать да спать.

И действительно, захотелось профессорше спать.

Идет она по улицам, а ей спать хочется. Вокруг люди бегают какие-то синие да зеленые, а ей все спать хочется.

Идет она и спит. И видит сон, будто идет к ней навстречу

Лев Толстой и в руках ночной горшок держит. Она его спрашивает: «Что же это такое?» А он показывает ей пальцем на горшок и говорит:

– Вот, – говорит, – тут я кое-что наделал и теперь несу всему свету показывать. Пусть, – говорит, – все смотрят.

Стала профессорша тоже смотреть и видит, будто это уже не Толстой, а сарай, а в сарае сидит курица.

Стала профессорша курицу ловить, а курица забилась под диван и оттуда уже кроликом выглядывает.

Полезла профессорша за кроликом под диван и проснулась.

Проснулась, смотрит: действительно, лежит она под диваном.

Вылезла профессорша из-под дивана, видит – комната ее собственная. А вот и стол стоит с недопитым кофе. На столе записка лежит: «Вот все, что осталось от Вашего супруга».

Всплакнула профессорша еще раз и села холодный кофе допивать.

Вдруг звонок. Что такое? Входят какие-то люди и говорят: «Поедемте».

– Куда? – спрашивает профессорша.

– В сумасшедший дом, – отвечают люди.

Профессорша начала кричать и упираться, но люди схватили ее и отвезли в сумасшедший дом.

И вот сидит совершенно нормальная профессорша на

койке в сумасшедшем доме, держит в руках удочку и ловит на полу каких-то невидимых рыбок.

Эта профессорша только жалкий пример того, как много в жизни несчастных, которые занимают в жизни не то место, которое им занимать следует.

Даниил Хармс

21 августа 1936

О том, как рассыпался один человек

– Говорят, все хорошие бабы – толстозадые. Эх, люблю грудастых баб, мне нравится, как от них пахнет, – сказав это, он стал увеличиваться в росте и, достигнув потолка, рассыпался на тысячу маленьких шариков.

Пришел дворник Пантелей, собрал эти шарики на совок, на который он собирал обычно лошадиный навоз, и унес эти шарики куда-то на задний двор.

А солнце продолжало светить по-прежнему, и пышные дамы продолжали по-прежнему восхитительно пахнуть.

23 авг<уста> 1936

Один механик решил на работе стоять поочередно то на одной, то на другой ноге, чтобы не очень уставать.

Но из этого ничего не вышло, он стал уставать больше прежнего, и работа у него не клеилась, как раньше.

Механика вызвали в контору и сделали ему выговор с предупреждением.

Но механик решил побороть свою натуру и продолжал стоять за работой на одной ноге.

Долго боролся механик со своей натурой и, наконец, почувствовав боль в пояснице, которая возрастала с каждым днем, принужден был обратиться к доктору.

27 авг<уста> 1936

Кассирша

Нашла Маша гриб, сорвала его и понесла на рынок. На рынке Машу ударили по голове, да еще обещали ударить ее по ногам. Испугалась Маша и побежала прочь. Прибежала Маша в кооператив и хотела там за кассу спрятаться. А заведующий увидел Машу и говорит: «Что это у тебя в руках?» А Маша говорит: «Гриб». Заведующий говорит: «Ишь, какая бойкая! Хочешь, я тебя на место устрою?» Маша говорит: «А не устроишь». Заведующий говорит: «А вот устрою!» – и устроил Машу кассу вертеть.

Маша вертела, вертела кассу и вдруг умерла. Пришла милиция, составила протокол и велела заведующему заплатить штраф – 15 рублей.

Заведующий говорит: «За что же штраф?» А милиция говорит: «За убийство». Заведующий испугался, заплатил поскорее штраф и говорит: «Унесите только поскорее эту мертвую кассиршу». А продавец из фруктового отдела говорит: «Нет, это неправда, она была не кассирша. Она только ручку в кассе вертела. А кассирша вон сидит». Милиция говорит: – Нам все равно: сказано унести кассиршу, мы ее и унесем.

Стала милиция к кассирше подходить.

Кассирша легла на пол за кассу и говорит: «Не пойду».

Милиция говорит: «Почему же ты, дура, не пойдешь?» Кассирша говорит: «Вы меня живой похороните».

Милиция стала кассиршу с пола поднимать, но никак поднять не может, потому что кассирша очень полная.

– Да вы ее за ноги, – говорит продавец из фруктового отдела.

– Нет, – говорит заведующий, – эта кассирша мне вместо жены служит. А потому прошу вас, не оголяйте ее снизу.

Кассирша говорит:

– Вы слышите? Не смейте меня снизу оголять.

Милиция взяла кассиршу под мышки и волоком выперла ее из кооператива.

Заведующий велел продавцам прибрать магазин и начать торговлю.

– А что мы будем делать с этой покойницей? – говорит продавец из фруктового отдела, показывая на Машу.

– Батюшки, – говорит заведующий, – да ведь мы все перепутали! Ну действительно, что с покойницей делать?

– А кто за кассой сидеть будет? – спрашивает продавец.

Заведующий за голову руками схватился. Раскидал колесом яблоки по прилавку и говорит:

– Безобразие получилось!

– Безобразие, – говорят хором продавцы.

Вдруг заведующий почесал усы и говорит:

– Хе-хе! Не так то легко меня в тупик поставить! Посадим покойницу за кассу, может, публика и не разберет, кто за

кассой сидит.

Посадили покойницу за кассу, в зубы ей папироску вставили, чтобы она на живую больше походила, а в руки, для правдоподобности, дали ей гриб держать. Сидит покойница за кассой как живая, только цвет лица очень зеленый и один глаз открыт, а другой совершенно закрыт.

– Ничего, – говорит заведующий, – сойдет.

А публика уже в двери стучит, волнуется, почему кооператив не открывают. Особенно одна хозяйка в шелковом манто раскричалась: трясет кошелкой и каблуком уже в дверную ручку нацелилась. А за хозяйкой какая-то старушка с наволочкой на голове кричит, ругается и заведующего кооперативом называет сквалыжником.

Заведующий открыл двери и впустил публику. Публика побежала сразу в мясной отдел, а потом туда, где продается сахар и перец. А старушка прямо в рыбный отдел пошла, но по дороге взглянула на кассиршу и остановилась.

– Господи, – говорит, – с нами крестная сила!

А хозяйка в шелковом манто уже во всех отделах побывала и несется прямо к кассе. Но только на кассиршу взглянула, сразу остановилась, стоит молча и смотрит. А продавцы тоже молчат и смотрят на заведующего. А заведующий из-за прилавка выглядывает и ждет, что дальше будет.

Хозяйка в шелковом манто повернулась к продавцам и говорит:

– Это кто у вас за кассой сидит?

А продавцы молчат, потому что не знают, что ответить.
Заведующий тоже молчит.

А тут народ со всех сторон сбегается. Уже на улице толпа. Появились дворники. Раздались свистки. Одним словом, настоящий скандал.

Толпа готова была хоть до самого вечера стоять около кооператива, но кто-то сказал, что в Озерном переулке из окна старухи вываливаются. Тогда толпа возле кооператива поредела, потому что многие перешли в Озерный переулок.

Хармс

31 августа 1936 года

Отец и дочь

Было у Наташи две конфеты. Потом она одну конфету съела, и осталась одна конфета. Наташа положила конфету перед собой на стол и заплакала. Вдруг смотрит, лежат перед ней на столе опять две конфеты. Наташа съела одну конфету и опять заплакала. Наташа плачет, а сама одним глазом на стол смотрит, не появилась ли вторая конфета. Но вторая конфета не появлялась. Наташа перестала плакать и начала петь. Пела, пела и вдруг умерла. Пришел Наташин папа, взял Наташу и отнес ее к управдому. «Вот, – говорит Наташин папа, – засвидетельствуйте смерть». Управдом подул на печать и приложил ее к Наташиному лбу. «Спасибо», – сказал Наташин папа и понес Наташу на кладбище. А на кладбище был сторож Матвей, он всегда сидел у ворот и никого на кладбище не пускал, так что покойников приходилось хоронить прямо на улице. Похоронил папа Наташу на улице, снял шапку, положил ее на то место, где зарыл Наташу, и пошел домой. Пришел домой, а Наташа уже дома сидит. Как так? Да очень просто: вылезла из-под земли и домой прибежала. Вот так штука! Папа так растерялся, что упал и умер. Позвала Наташа управдома и говорит: «Засвидетельствуйте смерть». Управдом подул на печать и приложил ее к листику бумаги, а потом на этом же листике бумаги написал: «Сим удосто-

веряется, что такой-то действительно умер». Взяла Наташа бумажку и понесла ее на кладбище хоронить. А сторож Матвей говорит Наташе: «Ни за что не пущу». Наташа говорит: «Мне бы только эту бумажку похоронить». А сторож говорит: «Лучше и не проси». Зарыла Наташа бумажку на улице, положила на то место, где зарыла бумажку, свои носочки и пошла домой. Приходит домой, а папа уже дома сидит и сам с собой на маленьком биллиардике с металлическими шариками играет.

Наташа удивилась, но ничего не сказала и пошла к себе в комнату расти.

Росла, росла и через четыре года стала взрослой барышней. А Наташин папа состарился и согнулся. Но оба как вспомнят, как они друг друга за покойников приняли, так повалятся на диван и смеются. Другой раз минут двадцать смеются.

А соседи, как услышат смех, так сразу одеваются и в кинематограф уходят. А один раз ушли, так и больше уже не вернулись. Кажется, под автомобиль попали.

Хармс

1 сентября 1936 года

Однажды Петя Гвоздиков ходил по квартире. Ему было очень скучно. Он поднял с пола какую-то бумажку, которую обронила прислуга. Бумажка оказалась обрывком газеты. Это было неинтересно. Петя попробовал поймать кошку, но кошка забралась под шкаф. Петя сходил в прихожую за зонтиком, чтобы зонтиком выгнать кошку из-под шкапа. Но когда Петя вернулся, то кошки уже под шкапом не было. Петя поискал кошку под диваном и за сундуком, но кошки нигде не нашел, зато за сундуком Петя нашел молоток. Петя взял молоток и стал думать, что бы им такое сделать. Петя постучал молотком по полу, но это было скучно. Тут Петя вспомнил, что в прихожей на стуле стоит коробочка с гвоздями. Петя пошел в прихожую, выбрал в коробочке несколько гвоздей, которые были подлиннее, и стал думать, куда бы их забить. Если была бы кошка, то, конечно, было бы интересно прибить кошку гвоздем за ухо к двери, а хвостом к порогу. Но кошки не было. Петя увидел рояль. И вот от скуки Петя подошел и вбил три гвоздя в крышку рояля.

9 октября 1936 года

О Пушкине

Трудно сказать что-нибудь о Пушкине тому, кто ничего о нем не знает. Пушкин великий поэт. Наполеон менее велик, чем Пушкин. И Бисмарк по сравнению с Пушкиным ничто. И Александры I, и II, и III просто пузыри по сравнению с Пушкиным. Да и все люди по сравнению с Пушкиным пузыри, только по сравнению с Гоголем Пушкин сам пузырь.

А потому, вместо того чтобы писать о Пушкине, я лучше напишу вам о Гоголе.

Хотя Гоголь так велик, что о нем и написать-то ничего нельзя, поэтому я буду все-таки писать о Пушкине.

Но после Гоголя писать о Пушкине как-то обидно. А о Гоголе писать нельзя. Поэтому я уж лучше ни о ком ничего не напишу.

Хармс

15 декабря 1936 года

Один человек лег спать верующим, а проснулся неверующим.

По счастью, в комнате этого человека стояли медицинские десятичные весы, и человек этот имел обыкновение каждый день утром и вечером взвешивать себя. И вот, ложась накануне спать, человек взвесил себя и узнал, что весит 4 пуда 21 фунт. А на другой день утром, встав неверующим, человек взвесил себя опять и узнал, что весит уже всего только 4 пуда 13 фунтов. «Следовательно, – решил этот человек, – моя вера весила приблизительно восемь фунтов».

<1936–1937>

У Колкова заболела рука, и он пошел в амбулаторию.

По дороге у него заболела и вторая рука. От боли Колков сел на панель и решил дальше никуда не идти. Прохожие проходили мимо Колкова и не обращали на него внимания. Только собака подошла к Колкову, понюхала его и, подняв заднюю лапу, прыснула Колкову в лицо собачьей гадостью. Как бешеный вскочил Колков и со всего маху ударил собаку ногой под живот. С жалобным визгом поползла собака по панели, волоча задние ноги. На Колкова накинута какая-то дама, и, когда Колков попытался оттолкнуть ее, дама вцепилась ему в рукав и начала звать милиционера. Колков не мог больными руками освободиться от дамы и только старался плюнуть ей в лицо.

Это удалось ему сделать уже раза четыре, и дама, зажмурив свои заплаканные глаза, визжала на всю улицу. Кругом уже собиралась толпа. Люди стояли, тупо глядели и порой выражали свое сочувствие Колкову.

– Так ее! Так ее! – говорил рослый мужик в коричневом пиджаке, ковыряя перед собой в воздухе кривыми пальцами с черными ногтями.

– Тоже ешшо барыня! – говорила толстогубая баба, завязывая под подбородком головной платок.

В это время Колков изловчился и пнул даму коленом под

живот. Дама взвизгнула и, отскочив от Колкова, согнулась в три погибели от страшной боли.

– Здорово он ее в передок! – сказал мужик с грязными ногтями.

А Колков, отделавшись от дамы, быстро зашагал прочь. Но вдруг, дойдя до Загородного проспекта, Колков остановился: он забыл, зачем он вышел из дома.

– Господи! Зачем же я вышел из дома? – говорил сам себе Колков, с удивлением глядя на прохожих. И прохожие тоже с удивлением глядели на Колкова, а один старичок прошел мимо и потом все время оглядывался, пока не упал и не разбил себе в кровь свою старческую рожу. Это рассмешило Колкова, и, громко хохоча, он пошел по Загородному.

<1936–1938>

Так началось событие в соседней квартире. Алексеев съел кашу, а недоеденные остатки выбросил на общей кухне в помойное ведро. Увидев это, жена Горохова сказала Алексееву, что вчера она выносила это ведро на двор, а теперь, если он желает им пользоваться, то пусть сам выносит его сегодня же вечером. Алексеев сказал, что ему некогда заниматься такими пустяками и предложил мадам Гороховой платить три рубля в месяц, с тем чтобы она вычищала это ведро. Мадам Горохова так оскорбилась этим предложением, что наговорила Алексееву много лишних слов и даже бросила на пол столовую ложку, которую держала в руках, сказав при этом, что она вполне благородного происхождения и видала в жизни лучшие времена и что она, в конце концов, не прислуга и потому не станет даже за собой поднимать оброненные вещи. С этими словами мадам Горохова вышла из кухни, оставив растерявшегося Алексеева одного около помойного ведра. Значит, теперь Алексееву придется тащить ведро на двор к помойной яме. Это было страшно неприятно. Алексеев задумался. Ему, научному работнику, возиться с помойным ведром! Это по меньшей мере оскорбительно. Алексеев прошелся по кухне. Внезапная мысль блеснула в его голове. Он поднял оброненную мадам Гороховой ложку и твердыми шагами подошел к ведру.

– Да, – сказал Алексеев и опустил перед ведром на корточки. Давясь от отвращения, он съел всю кашу и выскреб ложкой и пальцами дно ведра.

– Вот, – сказал Алексеев, моя под краном ложку. – А ведро я все-таки на двор не понесу.

Вытерев ложку носовым платком, Алексеев положил ее на кухонный стол и ушел в свою комнату.

Несколько минут спустя на кухню вышла рассерженная мадам Горохова. Она мгновенно заметила, что ложка поднята с пола и лежит на столе. Мадам Горохова заглянула в полойное ведро и, видя, что и ведро находится в полном порядке, пришла в хорошее настроение и, сев на табурет, принялась шинковать морковь.

– Уж если я что-нибудь захочу, то непременно добьюсь своего, – говорила сама с собой мадам Горохова. – Уж лучше мне никогда не перечить. Я своего никому не уступлю. Вот ни столечко! – сказала мадам Горохова, отрезая от моркови каплюшечный кусочек.

В это время по коридору мимо кухни прошел Алексеев.

– Алексей Алексеевич! – крикнула мадам Горохова. – Куда вы уходите?

– Я не ухожу, Виктория Тимофеевна, – сказал Алексеев, останавливаясь в дверях. – Это я в ванную шел.

<1936–1938>

Один человек, не желая более питаться сушеным горошком, отправился в большой гастрономический магазин, чтобы высмотреть себе что-нибудь иное, что-нибудь рыбное, колбасное или даже молочное.

В колбасном отделе было много интересного, самое интересное была, конечно, ветчина. Но ветчина стоила 18 рублей, а это было слишком дорого. По цене доступна была колбаса, красного цвета, с темно-серыми точками. Но колбаса эта пахла почему-то сыром, и даже сам приказчик сказал, что покупать ее он не советует.

В рыбном отделе ничего не было, потому что рыбный отдел переехал временно туда, где раньше был винный, а винный отдел переехал в кондитерский, а кондитерский в молочный, а в молочном отделе стоял прикащик с таким огромным носом, что покупатели толпились под аркой и к прилавку ближе подойти боялись.

И вот наш человек, о котором идет речь, потолкался в магазине и вышел на улицу.

Человек, о котором я начал эту повесть, не отличался никакими особенными качествами, достойными отдельного описания. Он был в меру худ, в меру беден и в меру ленив. Я даже не могу вспомнить, как он был одет. Я только помню, что на нем было что-то коричневое, может быть брюки,

может быть пиджак, а может быть только галстук. Звали его, кажется, Иван Яковлевич.

Иван Яковлевич вышел из гастрономического магазина и пошел домой. Вернувшись домой, Иван Яковлевич снял шапку, сел на диван, свернул себе папироску из махорки, вставил ее в мундштук, зажег ее спичкой, выкурил, свернул вторую папироску, закурил ее, встал, надел шапку и вышел на улицу.

Ему надоела его мелкая, безобразная жизнь, и он направился к Эрмитажу.

Дойдя до Фонтанки, Иван Яковлевич остановился и хотел было повернуть обратно, но вдруг ему стало стыдно перед прохожими: еще начнут на него смотреть и оглядываться, потому что шел-шел человек, а потом вдруг повернулся и обратно пошел. Прохожие всегда на таких смотрят.

Иван Яковлевич стоял на углу, против аптеки. И вот, чтобы объяснить прохожим свою остановку, Иван Яковлевич сделал вид, что ищет номер дома.

Он, не переставая глядеть на дом, сделал несколько шагов вдоль по Фонтанке, потом вернулся обратно и, сам не зная зачем, вошел в аптеку.

В аптеке было много народу. Иван Яковлевич попробовал протиснуться к прилавку, но его оттеснили. Тогда он посмотрел на стеклянный шкапчик, в котором в различных позах стояли различные флаконы различных духов и одеколонов.

Не стоит описывать, что еще делал Иван Яковлевич, потому что все его дела были слишком мелки и ничтожны. Важно только то, что в Эрмитаж он не попал и к шести часам вернулся домой.

Дома он выкурил подряд четыре махорочных папиросы, потом лег на диван, повернулся к стене и попробовал заснуть.

Но должно быть, Иван Яковлевич перекурился, потому что его сердце билось очень громко, а сон убежал.

Иван Яковлевич сел на диване и спустил ноги на пол.

Так просидел Иван Яковлевич до половины девятого.

– Вот если бы мне влюбиться в молодую красивую даму, – сказал Иван Яковлевич, но сейчас же зажал себе рот рукой и вытращил глаза.

– В молодую брюнетку, – сказал Иван Яковлевич, отводя руку ото рта. – В ту, которую я видел сегодня на улице.

Иван Яковлевич свернул папиросу и закурил.

В коридоре раздалось три звонка.

– Это ко мне, – сказал Иван Яковлевич, продолжая сидеть на диване и курить.

13 янв<аря> 1937 г.

– Есть ли что-нибудь на земле, что имело бы значение и могло бы даже изменить ход событий не только на земле, но в других мирах? – спросил я своего учителя.

– Есть, – ответил мне мой учитель.

– Что же это? – спросил я.

– Это... – начал мой учитель и вдруг замолчал.

Я стоял и напряженно ждал его ответа. А он молчал.

И я стоял и молчал.

И он молчал.

И я стоял, молчал.

И он молчал.

Мы оба стоим и молчим.

Хо – ля – ля!

Мы оба стоим и молчим!

Хо – лэ – лэ!

Да-да, мы оба стоим и молчим!

16–17 июня 1937 года

Даниил Хармс

Пассакалия № 1

Тихая вода покачивалась у моих ног.

Я смотрел в темную воду и видел небо.

Тут, на этом самом месте, Лигудим скажет мне формулу построения несуществующих предметов.

Я буду ждать до пяти часов, и если Лигудим за это время не покажется среди тех деревьев, я уйду. Мое ожидание становится обидным. Вот уже два с половиной часа стою я тут, и тихая вода покачивается у моих ног.

Я сунул в воду палку. И вдруг под водой кто-то схватил мою палку и дернул. Я выпустил палку из рук, и деревянная палка ушла под воду с такой быстротой, что даже свистнула.

Растерянный и испуганный, стоял я около воды.

Лигудим пришел ровно в пять. Это было ровно в пять, потому что на том берегу промчался поезд: ежедневно ровно в пять он пролетает мимо того домика.

Лигудим спросил меня, почему я так бледен. Я сказал. Прошло четыре минуты, в течение которых Лигудим смотрел в темную воду. Потом он сказал: «Это не имеет форму-

лы. Такими вещами можно пугать детей, но для нас это неинтересно. Мы не собиратели фантастических сюжетов. Нашему сердцу милы только бессмысленные поступки. Народное творчество и Гофман противны нам. Частокол стоит между нами и подобными загадочными случаями».

Лигудим повертел головой во все стороны и, пятясь, вышел из поля моего зрения.

10 ноября 1937 года

Грязная личность

Сенька стукнул Федьку по морде и спрятался под комод.

Федька достал кочергой Сеньку из-под комода и оторвал ему правое ухо.

Сенька вывернулся из рук Федьки и с оторванным ухом в руках побежал к соседям.

Но Федька догнал Сеньку и двинул его сахарницей по голове.

Сенька упал и, кажется, умер.

Тогда Федька уложил вещи в чемодан и уехал во Владивосток.

Во Владивостоке Федька стал портным; собственно говоря, он стал не совсем портным, потому что шил только дамское белье, преимущественно панталоны и бюстгальтеры. Дамы не стеснялись Федьки, прямо при нем поднимали свои юбки, и Федька снимал с них мерку.

Федька, что называется, насмотрелся видов.

Федька – грязная личность.

Федька – убийца Сеньки.

Федька – сладострастник.

Федька – обжора, потому что он каждый вечер съедал по двенадцати котлет. У Федьки вырос такой живот, что он сделал себе корсет и стал его носить.

Федька – бессовестный человек: он отнимал на улице у встречаемых детей деньги, он подставлял старичкам подножку и пугал старух, занося над ними руку, а когда перепуганная старуха шарахалась в сторону, Федька делал вид, что поднял руку только для того, чтобы почесать себе голову.

Кончилось тем, что к Федьке подошел Николай, стукнул его по морде и спрятался под шкаф.

Федька достал Николая из-под шкапа кочергой и разорвал ему рот.

Николай с разорванным ртом побежал к соседям, но Федька догнал его и ударил его пивной кружкой. Николай упал и умер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.